

**МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ
БЕЛОРУССКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИСТОРИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ**

Кафедра этнологии, музеологии и истории искусств

РАКОВ

Дмитрий Константинович

**БЕРЕЗИНСКАЯ ПЕРЕПРАВА 1812 г. В ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ
СОВРЕМЕННОГО БЕЛОРУССКОГО ОБЩЕСТВА**

Магистерская диссертация

**Специальность 1-23 80 02 «Музееведение, консервация и реставрация
историко-культурных объектов»**

Научный руководитель

**Гужаловский Александр Александрович
доктор исторических наук, профессор**

Допущена к защите

«__» _____ 2019 г.

Зав. кафедрой этнологии, музеологии и истории искусств

**_____ Т.А. Новгородский
доктор исторических наук, профессор**

Минск, 2019

ОГЛАВЛЕНИЕ

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ.....	3
ВВЕДЕНИЕ	9
ГЛАВА 1 ИСТОРИОГРАФИЯ, ИСТОЧНИКИ И МЕТОДОЛОГИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ	12
1.1. Историография	12
1.2. Источники	13
1.3 Методология исследования	18
ГЛАВА 2 АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ СРАЖЕНИЙ И ПЕРЕПРАВЫ ЧЕРЕЗ БЕРЕЗИНУ В СОВРЕМЕННОЙ БЕЛОРУССКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ.....	26
2.1 Состав и численность армий, планы противоборствующих сторон	26
2.2 Ход боевых действий и потери.....	27
2.3 Итоги сражений и переправы	35
ГЛАВА 3 МЕХАНИЗМЫ И ФОРМЫ СОХРАНЕНИЯ И ПОПУЛЯРИЗАЦИИ ИСТОРИЧЕСКИХ ЗНАНИЙ О БЕРЕЗИНСКОЙ ПЕРЕПРАВЕ	40
3.1. Конструирование образа березинских событий в исторической памяти и эволюция концепции их увековечивания	40
3.2 Проблема мемориализации березинских событий в памятниках, музейных экспозициях и проект мемориального комплекса	47
3.3 Военно-историческая реконструкция сражений и переправы в рамках традиции Международного Дня памяти «Березина»	59
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	69
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ.....	72
ПРИЛОЖЕНИЯ.....	79

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Ключевые слова: историография, историческая память, Березинская переправа, Великая армия, культура памяти, политика памяти, мемориализация, реконструкция, прошлое, наследие.

Цель работы – рассмотреть формирование и функционирование историографии и «культуры памяти» о сражениях и переправе «Великой армии» Наполеона через р. Березину в современном белорусском обществе.

Актуальность работы заключается в том, что, во-первых, ускоренная трансформация всех сфер жизни общества, глобализация, демократизация истории делают востребованной проблематику исторической памяти. Во-вторых, исследование состояния и тенденций развития историографии и исторической памяти составляют важную часть понимания того, как осознает свое прошлое современное белорусское общество, что осталось в его памяти от предыдущих поколений, а что подверглось искажению, или было забыто. Значение этого состоит и в связи исторической памяти с действиями по охране и управлению историко-культурным наследием в стране. Более того, рассмотрение темы войны как социального катаклизма имеет значительный гуманитарный потенциал. В третьих, в историографии не предпринималась попытка комплексного системного осмысления рассматриваемой нами проблемы. Акцент в данной работе сделан на формах объективации исторической памяти о Березинской переправе в пространстве культуры современного белорусского общества.

Объект исследования – Березинская переправа 1812 г. Предметом исследования выступает состояние и тенденции развития историографии и «культуры памяти» современного белорусского общества о Березинской переправе и сражениях.

В результате исследования были определены характерные черты историографии и исторической памяти, выявлены основные тенденции их развития и функционирования. Историография по Березинской переправе имеет критико-аналитический характер в интерпретации хода событий, потерь и итогов Березинской переправы, представлен ряд противоречивых мнений относительно проблемных вопросов ее изучения. Историография значительно влияет на содержание исторической памяти и работу над ней. В 1990-2000-х гг. образ Березинской переправы был переосмыслен, что привело к разработке концепции увековечивания березинских событий, значительное место в которой заняла память о жертвах противостоящих сторон. Важным аспектом новой концепции стало то, что Березинская переправа

рассматривается как символ примирения и сотрудничества между потомками ее участников, а также использование места Березинской переправы как объекта историко-культурного наследия для развития туризма. Главной проблемой, стоящей перед властью и общественностью, является создание военно-исторического музея в рамках мемориального комплекса в районе переправы, что будет способствовать повышению уровня охраны достопримечательного места и создаст условия для включения объекта в Список объектов Всемирного культурного наследия ЮНЕСКО в качестве культурного ландшафта ассоциативного плана. Мемориальные действия государства и общественности включают ряд практик: установка памятников и памятных знаков, создание и функционирование музейных экспозиций и выставок, организация и проведение других коммемораций – научных конференций, церемониалов, фестивалей военно-исторической реконструкции в рамках Международного Дня памяти «Березина» – ключевой формы культуры памяти, свидетельствующей об интересе власти и общественности к Березинской переправе, способствующем сплочению, солидарности общества через отдания дани памяти прошлому через его «воссоздание» в настоящем.

Магистерская диссертация состоит из введения, трех глав, заключения, списка использованных источников и литературы (93 наименования, включая 1 публикацию автора) и двух приложения. Полный объем работы – 82 страницы.

АГУЛЬНАЯ ХАРАКТАРЫСТЫКА РАБОТЫ

Ключавыя словы: гістарыяграфія, гістарычная памяць, Бярэзінская пераправа, Вялікая армія, культура памяці, палітыка памяці, мемарыялізацыя, рэканструкцыя, мінулае, спадчына.

Цэль работы – разгледзець фарміраванне і функцыянаванне гістарыяграфіі і «культуры памяці» аб бітвах і пераправе «Вялікай арміі» Напалеона праз р. Бярэзін у сучасным беларускім грамадстве.

Актуальнасць работы заключаецца ў тым, што, па-першае, паскораная трансфармацыя ўсіх сфераў жыцця грамадства, глабалізацыя, дэмакратызацыя гісторыі робяць запатрабаванай праблематыку гістарычнай памяці. Па-другое, даследаванне стану і тэндэнцый развіцця гістарыяграфіі і гістарычнай памяці складаюць важную частку разумення таго, як ўсведамляе свае мінулае сучаснае беларускае грамадства, што засталася ў яго памяці ад папярэдніх пакаленняў, а што падвергнулася скажэнню ці было забыта. Значэнне гэтага складаецца і ў сувязі гістарычнай памяці з дзеяннямі па ахове і кіраванню гісторыка-культурнай спадчынай у краіне. Больш за тое, разгляд тэмы вайны як сацыяльнага катаклізма мае значны гуманітарны патэнцыял. Па-трэцяе, у гістарыяграфіі не прадпрымалася спроба комплекснага сістэмнага асэнсавання разглядаемай намі праблемы. Акцэнт у дадзенай рабоце зроблен на формах аб'ектывацыі гістарычнай памяці аб Бярэзінскай пераправе ў прасторы культуры сучаснага беларускага грамадства.

Аб'ект даследавання – Бярэзінская пераправа 1812 г. Прадметам даследавання выступае стан і тэндэнцыі развіцця гістарыяграфіі і «культуры памяці» сучаснага беларускага грамадства аб Бярэзінскай пераправе і бітвах.

У выніку даследавання былі вызначаны характэрныя рысы гістарыяграфіі і гістарычнай памяці, вылучаны асноўныя тэндэнцыі іх развіцця і функцыянавання. Гістарыяграфія па Бярэзінскай пераправе мае крытычна-аналітычны характар у інтэпрэтацыі хода падзей, страт і вынікаў Бярэзінскай пераправы, прадстаўлены шэраг супярэчлівых меркаванняў адносна праблемных пытанняў яе вывучэння. Гістарыяграфія значна ўплывае на змест гістарычнай памяці і працу над ей. У 1990-2000-я гг. вобраз Бярэзінскай пераправы быў пераасэнсаваны, што прывяло да распрацоўкі канцэпцыі ўшанавання бярэзінскіх падзей, значнае месца ў якой заняла памяць аб ахвярах супрацьлеглых бакоў. Важным аспектам новай канцэпцыі стала тое, што Бярэзінская пераправа разглядаецца як сімвал прымірэння і супрацоўніцтва паміж нашчадкамі яе удзельнікаў, а таксама выкарыстоўванне месца Бярэзінскай пераправы як аб'екта гісторыка-культурнай спадчыны для развіцця

турызма. Галоўнай праблемай, якая стаіць перад уладай і грамадскасцю, яўляецца стварэнне ваенна-гістарычнага музея ў межах мемарыяльнага комплексу ў раёне пераправы, што будзе спрыяць павышэнню узроўня аховы славутага месца і створыць умовы для ўключэння аб'екта ў Спіс аб'ектаў сусветнай культурнай спадчыны ЮНЕСКА ў якасці культурнага ландшафту асацыятыўнага плана. Мемарыяльныя дзеянні дзяржавы і грамадскасці ўключаюць шэраг практык: ўстаноўка помнікаў і памятных знакаў, стварэнне і функцыянаванне музейных экспазыцый і выстаў, арганізацыя і правядзення іншых камемарацый – навуковых канферэнцый, цырыманіялаў, фестываляў ваенна-гістарычнай рэканструкцыі ў межах Міжнароднага Дня памяці «Бярэзіна» – ключавой формы культуры памяці, якая сведчыць аб інтарэсе ўлады і грамадскасці да Бярэзінскай пераправы, якая спрыяе з'яднанню і салідарнасці грамадства праз адданне даніны памяці мінуламу праз яго «аднаўленне» у цяперашнім.

Магістэрская дысертацыя складаецца з уводзінаў, трох глаў, заключэння, спіса выкарастаных крыніц і літаратуры (93 назвы, ўключаючы 1 публікацыю аўтара) і двух дадаткаў. Поўны аб'ём работы – 82 старонкі.

GENERAL DESCRIPTION OF THE WORK

Keywords: historiography, historical memory, crossing of the Berezina, Great army, memory culture, memory policy, memorialization, reconstruction, past, heritage.

Purpose of the work – to consider the formation and functioning of historiography and the «culture of memory» about the battles and the crossing of the Great Army of Napoleon across Berezina in modern Belarusian society.

The relevance of the work lies in the fact that, firstly, the accelerated transformation of all spheres of social life, globalization, the democratization of history make the problems of historical memory in demand. Secondly, the study of the state and development trends of historiography and historical memory is an important part of understanding how modern Belarusian society is aware of its past, what remains in its memory from previous generations, and what has been distorted or forgotten. The significance of this lies in the connection of historical memory with the actions for the protection and management of historical and cultural heritage in the country. Moreover, considering the topic of war as a social cataclysm has a significant humanitarian potential. Thirdly, in historiography there was no attempt at a comprehensive system understanding of the problem under consideration. The focus of this work is on the forms of objectification of the historical memory of the crossing of the Berezina in the cultural space of the modern Belarusian society.

The object of the study – the crossing of the Berezina in 1812. The subject of the research is the state and trends of the development of historiography and the «culture of memory» of the modern Belarusian society about the crossing of Berezina and battles.

As a result of the study, the characteristic features of historiography and historical memory were identified, and the main trends in their development and functioning were identified. The historiography on the crossing of the Berezina has a critical-analytical character in the interpretation of the course of events, losses and results of the crossing of the Berezina, a number of conflicting opinions are presented on the problematic issues of its study. Historiography significantly affects the content of historical memory and work on it. In the 1990s – 2000s the image of the crossing of the Berezina was rethought, which led to the development of the concept of perpetuating the Berezina events, in which the memory of the victims of the opposing sides occupied a significant place. An important aspect of the new concept is that the crossing of the Berezina is considered as a symbol of reconciliation and cooperation between the descendants of its participants, as well as the use of the place of the crossing of the Berezina as an object of historical and cultural heritage for the

development of tourism. The main problem facing the government and the public is the creation of a military historical museum within the framework of the memorial complex in the crossing area, which will help to increase the level of protection of the place of interest and create conditions for including the object in the UNESCO World Heritage List as a cultural landscape of an associative plan. Memorial actions of the state and the public include a number of practices: the installation of monuments and memorials, the creation and operation of museum expositions and exhibitions, the organization and holding of other commemorations – scientific conferences, ceremonies, festivals of military-historical reconstruction in the framework of the International Day of Memory «Berezina» – a key form of culture of memory, indicating the interest of the authorities and the public to the crossing of the Berezina, contributing to the unity, solidarity of society through giving tribute to the memory of the past through its «reconstruction» in the present.

The master thesis consists of an introduction, three chapters, conclusion, list of used sources and literature (93 titles, including 1 publication of the author) and two applications. The total amount of work is 82 pages.

ВВЕДЕНИЕ

Березинская переправа 1812 г. – одно из самых противоречивых событий европейской военной истории, вызвавшее различные точки зрения относительно его интерпретации. Это событие стало важным элементом исторической памяти многих европейских народов. Тема Березинской переправы нашла свое отражение в многочисленных работах мемуарного плана, военно-исторических исследованиях, произведениях изобразительного искусства, выставках, публикациях в периодической печати, популярных работах. Слово «bérézina» прочно вошло в повседневную лексику французов и наделено противоречивым смыслом: с одной стороны, это синоним катастрофы, которая, однако, предполагает выход из безнадежной ситуации, с другой стороны – победа. В свою очередь российская историография считает, что Березина стала местом окончательного разгрома наполеоновской армии [62, с. 218; 80, с. 5]. Нужно отметить, что в этой работе под термином «Березинская переправа 1812 г.» подразумеваются как сама переправа «Великой армии» Наполеона, так и сражения 21-28 ноября 1812 г., произошедшие в рамках Березинской операции Российской императорской армии. В свою очередь во французской историографии данное событие получило название «Переправа Великой армии через Березину 26-29 ноября 1812 г.». Представляет большой интерес то, как изучено и каким образом помнят это событие там, где оно происходило – в Республике Беларусь.

Актуальность данной темы заключается в трех аспектах:

1. Темпы развития современной цивилизации, ускоренная трансформация, наблюдаемая во всех сферах жизни общества, глобализация, переоценка ценностей, процессы демократизации и фальсификации истории, и как следствие этому стремление отразить противоречивость социальной реальности делают востребованной проблематику исторической памяти. Повышенный интерес мировой общественности к проблеме памяти с 1980-х гг. дал основание французскому социологу П. Нора говорить о наступлении т.н. «мемориальной эпохи», в рамках которой «...все социальные, этнические и семейные группы пережили глубокое изменение традиционного отношения к прошлому. <...> Мир затопила нахлынувшая волна воспоминания». По его мнению, «удаляющееся прошлое», неопределенность будущего «...ставит перед настоящим <...> обязательство помнить» [56, с. 202, 204-205].

2. Исследование исторической памяти является значимым для самоидентификации общества. Решение проблем национального строительства, как правило, приводит общество к актуализации прошлого, повышенному вниманию к истории, которую мобилизируют для формирования чувства патриотизма, единства [16, с. 473-474]. Замечено, что нации обращаются к

прошлому, видя в нем, например, время великих культурных достижений или славных военных побед, и находят в нем подтверждение выбранному пути в настоящем времени, берут его за образец, и испытывают благодаря этому обращению чувства причастности и гордости за прошлое, что консолидирует нацию [62, с. 216]. Исследование состояния и тенденций развития исторической памяти составляет важную часть понимания того, как осознает свое прошлое современное белорусское общество, что осталось в его памяти от предыдущих поколений, а что подверглось искажению или забыто. В условиях формирования концепции национальной истории Беларуси такое масштабное событие как Война 1812 г. и Березинская переправа в частности, является одним из ключевых пунктов для осмысления военной истории Беларуси в контексте европейской истории, элементом исторической памяти общества, а также предметом международного диалога в сфере культуры. Само рассмотрение проблемы войны как социального катаклизма с точки зрения военно-исторической антропологии и рефлексия над вопросами ценности человеческой жизни имеет в себе значительный философский и в целом гуманитарный потенциал, актуальный в условиях современного мира. Значение состоит и в том, что исследования исторической памяти может стать основой для мероприятий по охране и управлению объектами наследия Беларуси, связанных с военной историей.

3. Несмотря на долгий и повышенный интерес к теме Войны 1812 г. нужно отметить, что в историографии не предпринималась попытка комплексного системного осмысления и представления рассматриваемой нами проблемы, а существуют только отдельные публикации (репортажи, интервью) событийного (как правило, юбилейного) характера. Несмотря на то, что в приоритете государства по увековечиванию военной истории находятся события XX в., тема Войны 1812 г. не осталась без внимания. В данной работе предмет исследования будет рассмотрен сразу в трех срезах: историко-культурном, организационно-методическом и социально-психологическом измерениях. Акцент будет сделан на формах объективации исторической памяти о Березинской переправе и сражениях в пространстве культуры.

Объект исследования – Березинская переправа 1812 г. Предметом исследования выступает состояние и тенденции развития историографии и «культуры памяти» современного белорусского общества о Березинской переправе и сражениях.

Цель данной работы – рассмотреть формирование и функционирование историографии и «культуры памяти» о сражениях и переправе «Великой армии» Наполеона через р. Березину в современном белорусском обществе.

Для достижения цели поставлены следующие задачи:

1. Проанализировать белорусскую историографию как форму «культуры памяти», посвященную Березинской переправе и сражений, выявить подходы к интерпретации актуальных проблем их изучения.

2. Установить характерные особенности конструирования образа Березинской переправы и сражений в коллективной памяти и концепции их увековечивания в Беларуси.

3. Дать характеристику состоянию мемориализации Березинской переправы и сражений в памятниках и музеях.

4. Обосновать необходимость создания мемориального комплекса и разработать его концепцию.

4. Определить значение Международного Дня памяти «Бережина» как формы культуры памяти.

Хронологические рамки исследования охватывают период суверенной Беларуси и относятся к 1991-2014 гг. Их нижняя граница определена образованием суверенной Республики Беларусь и появлением в историографии и общественном мнении нового взгляда на историю Беларуси, в т.ч. военную, стремящихся преодолеть узость формационного подхода к изучению истории. В 1991 г. появляется первая специализированная работа белорусских авторов Л.Ф. Ерусалимчик и Г.Ю. Мазинг, посвященная березинским событиям, в которой намечается объективный подход к рассмотрению темы [46]. Верхняя граница определяется 2014 г., когда был подписан меморандум о присоединении Борисова к Европейской федерации городов истории Наполеона (программа «Дороги Наполеона»). Подписание данного документа свидетельствует о международном признании значения района переправы в исторической памяти европейских народов, а также об оценке мероприятий по увековечиванию рассматриваемого события, предпринимаемого государством и обществом.

Работа состоит из введения, трех глав, заключения, списка использованных источников и литературы (93 наименования) и приложения.

ГЛАВА 1 ИСТОРИОГРАФИЯ, ИСТОЧНИКИ И МЕТОДОЛОГИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ

1.1. Историография

В белорусской историографии тема увековечивания памяти о Березинской переправе затронута в работах таких отечественных исследователей как Г.Ю.Мазинга и Л.Ф. Ерусалимчик, В.А. Лякина, Л.М. Нестерчука, А.М. Лукашевича, А.А. Балябина и др. В работе Г.Ю. Мазинга и Л.Ф. Ерусалимчик «Березина, год 1812-й» проанализировано состояние исторической памяти на момент издания книги (1991 г.), с упором на военно-патриотическое значение темы для советских граждан, причем указаны аспекты исторической памяти французов, посещающих место переправы [46]. Большое значение имеет книга «Друцк и Борисов» (2002 г.), где авторы раздела, посвященного событиям Войны 1812 г., приводят критические замечания по проблеме увековечивания действий российской армии на Березине, которые будут рассмотрены в нашей работе [44]. В.А. Лякин в своей работе о сражениях Войны 1812 г. на территории Беларуси представляет краткую информацию о памятниках на местах сражений в районе переправы [43].

Важным событием стало издание книги белорусского историка А.М. Лукашевича «Памятники и памятные места 1812 года в Беларуси» (2012 г.) [41]. Работа стала первым и единственным в настоящее время детальным исследованием в постсоветской Беларуси в области мемориализации событий Войны 1812 г. Автором глубоко проработан вопрос с историей установления в районе переправы памятников в дореволюционную, советскую эпохи, в современной Беларуси. Внимание уделено также описанию художественного образа памятников и критическому осмыслению надписей на них. Автор утверждает, что с 1991 г. начался новый этап в увековечивании событий 1812 г., отмечает его основные направления и предлагает создать военно-исторический музей-заповедник. Дополнением к книге следует считать туристическую карту с аналогичным названием, справочная информация в которой разработана автором исследования. По сравнению с работой Лукашевича книга белорусского историка Л.М. Нестерчука «Беларусь у вайне 1812 года. Паміж Напалеонам і Аляксандрам, изданной (2012 г.), содержащая раздел под названием «Ушанаванне беларускіх палёў бітваў 1812 года» значительно уступает в степени разработанности темы мемориализации [54]. Автор при рассмотрении мемориализации березинских событий ограничивается перечислением памятников в районе переправы.

Вопросы мемориализации березинских событий и их значения проанализировал в своих статьях С.Л. Вилейко [20, 21]. Автор отметил, что район переправы имеет большой культурный потенциал и может быть эффективно использован для развития военно-исторического туризма, в т.ч. за счет проведения фестивалей военно-исторической реконструкции и создания мемориального комплекса. Автором использован подход российского исследователя Горбунова, который предлагает считать поля сражений культурными ландшафтами ассоциативного плана. Вилейко справедливо отмечает, что Березина стала символическим историческим объектом.

Однако крупнейшим достижением в осмыслении событий на Березине и их увековечивании следует считать работы И.А. Груцо, сформулировавшего основные положения социокультурного значения объекта и направлений мемориализации [25]. Примечательно, что исследователь принимал непосредственное участие в ключевых мемориальных действиях начиная с 1990-х гг. и внес вклад в изучение и популяризацию данной темы. Однако им только очерчены перспективы проектов и дана характеристика состояния увековечивания до 2006 г.

Российским исследователем А.А. Постниковой в работе «Великая армия Наполеона на Березине: событие – память» (2014 г.) на массиве исторического материала воссозданы основные события Березинской переправы и сражений, отмечены их проблемные вопросы, требующие глубокого изучения, а также дана детальная характеристика исторической памяти европейских народов-участников березинских событий [61]. Автор кратко затронул и белорусскую сторону, отмечая значение темы кладов на Березине в массовом сознании и деятельность военно-исторических клубов.

В перечисленных выше работах отсутствует комплексное осмысление исторической памяти современного белорусского общества. Обобщающие работы по историографии березинских событий также отсутствуют. Для авторов увековечивание заключается только в установке и открытии памятников и памятных знаков на месте события, его отражения в искусстве и использования в туристической деятельности. Нам представляется, что культура памяти концентрирует в себе большой круг вопросов, анализ которых представлен в п. 1.3 настоящей работы.

1.2. Источники

Для исследования формирования и функционирования культуры памяти современного белорусского общества о Березинской переправе и сражениях были использованы следующие виды источников:

1. Научная и научно-популярная литература.

Источники по рассматриваемой проблематике представлены, в первую очередь, научными работами отечественных историков. Большое значение при анализе историографии как источника по культуре памяти имеет профессиональная принадлежность автора, тираж издания. Тираж, в свою очередь, выступает критерием возможности распространения определенного издания среди населения, а размещение текста в сети Интернет создает предпосылки для широкого доступа и ознакомления с ним. Главная тенденция работ, которую можно заметить при анализе современной белорусской историографии – это рост интереса к действиям и персоналиям Великой армии Наполеона, их оценка. Этот аспект является основным в эволюции белорусской историографии в постсоветский период, причем ряд работ целиком посвящены вопросам, связанным с действиями Великой армии. В связи с этим существует проблема широкого использования авторами относительно военных сил Наполеона на Березине таких терминов как «французские войска», «французские корпуса» вместо «Великая армия», «наполеоновские войска», «армия Наполеона». Использование второго ряда терминов правомерно, т.к. в армию Наполеона входили не только французские, но и многочисленные иностранные контингенты на французской службе из союзных и вассальных государств, о чем будет отдельно сказано в Главе 2 данной работы [4, с. 173-174; 42, с. 434, 435; 40, с. 178]. Этот нюанс позволяет целостно раскрыть значение рассматриваемого нами события и памяти о нем в европейском контексте. Для написания своих работ авторы активно используют архивные документы (преимущественно российского происхождения), мемуарную литературу участников событий, работы русских дореволюционных историков.

Впервые в белорусской историографии сюжет с березинскими событиями получил освещение в работе историка Е.И. Корнейчика «Белорусский народ в Отечественной войне 1812 г.» (тираж 3000 экземпляров), выполненной к 250-летию юбилею войны с официальных идеологических позиций [38]. До времени издания учебно-методического пособия А.М. Лукашевича «Беларусь напярэдадні і ў час вайны 1812 г. » (2004), это была единственная обобщающая работа, посвященная Войне 1812 г. на белорусских землях, с которой могла ознакомиться интересующаяся общественность. Несмотря на поверхностный обзор хода боевых действий и одностороннюю интерпретацию значения событий на Березине, делая упор в основном на описание бедственного положения Великой армии, эта работа оказала определенное влияние на историографию.

Знания современного белорусского общества по рассматриваемой теме базируются на следующих двух работах. Книга Г.Ю. Мазинга и Л.Ф. Ерусалимчик «Березина, год 1812-й» издана в 1991 г. (тираж 6700 экземпляров)

и стала на долгое время единственным исследованием, целиком посвященным событиям на Березине в белорусской историографии [46]. В отличие от Корнейчика, авторами впервые представлена информация о маршалах и генералах Великой армии, дано описание их боевых действий на Березине. Материалы борисовского краеведа Ж.В. Гилевич, неоднократно издававшееся в 1990-х – начале 2000-х гг. с небольшими изменениями в ряде книг и брошюр, например, «Дзевяць стагоддзяў Барысава» (2002 г.) носят обзорный характер, что способствовало их широкому распространению и популярности [29]. Однако эти материалы содержат устаревшую информацию, поданную в русле советской историографии Войны 1812 г. Научное значение имеют энциклопедические статьи, размещенные в «Энциклопедии истории Беларуси» [3; 4; 42]. В данном многотомном издании представлены статьи В.В. Антонова и А.М. Лукашевича, посвященные Березинской операции и отдельным битвам в рамках нее. Следует отметить критический взгляд исследователей, стремящихся, в частности, определить причины неудач российской армии в боевых действиях на Березине.

2000-е гг. отмечены появлением ряда специализированных работ, посвященных проблемным вопросам березинской темы. Историк И.А. Груцко исследовал историю московских трофеев Наполеона – изданная в 2010 г. в Минске «Сокровища Наполеона: история, версии, поиски, картография», тираж 1500 экземпляров) стала оригинальным исследованием, основанным на широком изучении археологического, картографического и мемуарного материала [25]. Издание работы предпринималось, видимо, в т.ч. для активизации интереса к предстоящим юбилеям переправы. Подробный анализ боевых действий на Березине был предпринят исследователем В.А. Лякиным в книге «Белорусские поля сражений», изданной в Мозыре в 2009 г. [43]. Работа отличается использованием большого количества источников и литературы, указанных в списке. Однако в тексте ссылки на них не присутствуют, несмотря на то, что активно использованы материалы, относящиеся к ведению боевых действий Великой армией. К 900-летию Борисова была выпущена книга «Друцк и Борисов: К юбилеям древних городов» (2002 г.), в которой представлена критика действий Российской Императорской армии на Березине [44]. Важным изданием, свидетельствующем о состоянии культуры памяти о березинских событиях, стало учебно-методическое пособие авторства А.М. Лукашевича «Беларусь напярэдадні і ў час вайны 1812 г.» (тираж 100 экземпляров) [40]. Напомним, что это первое в современной белорусской историографии обобщающее исследование по Войне 1812 г. Автор уделил особое внимание вопросу оценке действий российской армии на Березине, отметил дискуссию о роли Чичагова в них.

200-летний юбилей и изучение темы на протяжении долгого времени вызвало появление новых специальных работ, рассматривающих частные вопросы березинской темы. Эти работы показывают основной вектор, в котором проводятся исследования по Березинской переправе. Например, А.А. Балябин посвятил свою работу «Борисов, Березина... Последняя надежда Наполеона» (тираж 1000 экземпляров) пребыванию Наполеона в Борисове накануне переправы и его планам по ее проведению [6]. Примечательно, что презентация этой книги прошла в Минске совместно с презентацией книги французского историка Ж.-О. Будона «Наполеон – полководец и человек» [13, с. 3]. В книге историка Л.М. Нестерчука «Беларусь у вайне 1812 года. Паміж Напалеонам і Аляксандрам, изданной так же в 2012 г., показ березинских событий подан кратко, что объясняется, видимо, концепцией книги, сосредоточенностью исследователя на других вопросах Войны 1812 г., в частности, проблеме восстановления ВКЛ [54]. Отдельное внимание нужно уделить вышедшей в этом году книге Э.Г. Самусенко «Беларусь и Отечественная война 1812 года: Исторические очерки и эссе» [70]. Работа пересказывает известные сюжеты, связанные с Войной 1812 г. в Беларуси. Исходной точкой зрения автора нужно назвать его негативной отношение ко всему, что связано с Наполеоном и его армией. Автор предпринимает попытку установить численность потерь Великой армии на территории Беларуси, однако использует для этого нерепрезентативные материалы. Березину исследователь считает местом гибели Великой армии.

Ключевой работой после книги Мазинга и Ерусалимчик, специально посвященной березинским событиям, стало исследование писателя, переводчика Н.Н. Грачева, изданное в 2013 г. под названием «Живая память поля брани: иллюстрированная хроника баталии на Березине 1812 года» (тираж 500 экземпляров) [24]. Оно демонстрирует безусловное продвижение вперед по изучению темы и ее пониманию, несмотря на наличие художественного элемента в повествовании. В детальном описании боевых действий на Березине встречаются многочисленные фактические ошибки и неточности. Например, Грачев ошибочно указывает, что дивизия французского генерала Ж.-П. Думерка (1767-1847) имела порядковый номер «5», а не «3» (в другом месте все-таки называет ее «3-ей» [24, с. 245, 248]. Также французских генералов Ж.Л. Кандра (1768-1812) и Ф.-Э. Дама (1764-1828) называет «Кандрас» и «Дамас», неверно прочитывая их фамилии на французском языке [24, с. 197, 231]. Интерес представляет то, что при всем патриотическом характере изложения материала внимание исследователя сосредоточено и на действиях и персоналиях Великой армии. Изобразительный материал, размещенный в книге, часто относится к более поздним событиям военной истории. Третьей обобщающей работой по Войне 1812 г. в Беларуси стала изданная в этом году

книга белорусского исследователя А.Е. Тараса «1812 год – трагедия Беларуси» (тираж 3000 экземпляров). Несмотря на то, что работа носит четкий научно-популярный характер, в ней особое внимание уделено березинским событиям, представлен разбор сражений, размещены их картосхемы, указаны сведения по численности войск противоборствующих сторон, судьбу местного населения [77]. Несмотря на это, нужно отметить предвзятое отношение автора к действиям Российской императорской армии, рассматриваемой им в качестве врага для белорусов наравне с Великой армией. Автор негативно относится к традиции увековечивания памяти о действиях российской армии, существующей в Беларуси.

Ряд авторов работ, посвященных событиям 1812 г. на р. Березина, не являются профессиональными историками. Часть работ выполнена в контексте региональной истории. Отметим, что большая часть исследований имеет предъюбилейный характер, когда предстоящий юбилей становится поводом к изданию книги.

2. Публицистика.

Характерная черта этого вида источников по содержанию – выявление и обсуждение авторами актуальной проблемы изучения события и его увековечивания, а также поиск пути ее решения. Данные публикации носят предъюбилейный и юбилейный характер. Значение этих источников в том, что они являются примерами актуализации внимания к теме, ее проблемным вопросам [28; 30; 45; 53; 64].

3. Периодическая печать.

Материалы периодической печати широко освещают мероприятия в области увековечивания памяти. Характерные черты этого вида источников применительно к рассматриваемой теме – событийность, репортажность, наиболее ценная информация представлена в материалах интервью, в целом публикации носят юбилейный характер. Важность этих источников в том, что они наиболее полно воплощают представления людей о событии и широко транслируют их [1, 7, 14, 33, 49; 86].

4. Материалы законодательства.

Этот вид источников содержит официальный взгляд на тему и позволяет определить основные тенденции в увековечивании памяти событий, а также решение проблем, которые стоят перед органами власти, ведомствами в этой области [57; 58].

5. Мемуарная литература.

К этому виду источников можно отнести книги историков И.А. Груцо и Ф. Бокура содержащие мемуарный элемент [25; 93]. Ценность их работ для нашего исследования состоит в том, что, во-первых, они содержат свидетельства авторов, принимавших активное участие в мероприятиях по

увековечиванию темы в 1990-2000-е гг., причем книга Бокура является примером исторической памяти во Франции о березинской переправе. Во-вторых, в них размещены сведения об истории березинских событий, демонстрирующие фокус интереса этих исследователей к сражениям и переправе.

1.3 Методология исследования

Исследование такого социального феномена как память о прошлом составило в историографии целое направление, известное под названиями «memory studies», «история памяти» или «мемориально-исторические исследования», активно развивающееся за рубежом с 1980-х гг. [67, с. 196]. Однако, в отечественной гуманитаристике данное направление не получило еще развития и широкого распространения. Немецкий историк Я. Ассман, один из ведущих исследователей исторической памяти, так сформулировал специфику изучения памяти о прошлом: «В отличие от собственно истории, «история памяти» занимается не изучением прошлого как такового, а того прошлого, которое осталось в воспоминаниях – в традиции (историографической, литературной, иконографической и т.д.). И цель изучения «истории памяти» – не в том, чтобы вычленил из этой традиции «историческую правду», а чтобы проанализировать саму традицию как феномен коллективной или культурной памяти» [89, с. 63]. Российский исследователь М.Л. Шуб дополняет эту формулировку следующим образом: «История памяти занимается не сличением содержания воспоминаний с историческими реалиями, а изучением формирования того или иного их содержания, их вариантов, анализом культурных смыслов и образов, наполняющих память группы, способов проявленности в пространстве актуальной культуры, механизмов забвения и реанимации воспоминаний и т.п.» [89, с. 63].

Кратко отметим интерпретацию такой категории как «прошлое». Во-первых, это экстрасубъективный феномен, продукт деятельности человеческого сознания. Во-вторых, оно носит реконструируемый характер, а в-третьих, прошлое актуализируется настоящим, т.е. последнее оказывает модернизирующее влияние на первое [89, с. 65-66]. В свою очередь, память (в психологическом измерении) – это «отражение сознанием того, что было в прошлом опыте путем запоминания, воспроизведения и узнавания», а социокультурный аспект памяти – «создание прошлого через отбор, хранение и воспроизведение значимой информации» [68, с. 40]. В виду различных подходов исследователей к изучению феномена памяти о прошлом,

междисциплинарного характера рефлексии над ним существует достаточно большое количество используемых терминов, относящихся к памяти о прошлом. Например, «историческая память», «коллективная память», «социальная память», «культурная память» и другие [9, с. 55; 36, с. 241; 32, с. 7]. Однако данные термины предлагается считать синонимичными [72, с. 32-33]. В нашей работе используется термин «историческая память» как более распространенный в постсоветском пространстве.

В рамках историко-философской рефлексии памяти о прошлом была разработана т.н. «мемориальная парадигма». Заслугой одного из ее создателей французского философа и социолога М. Хальбвакса (1877-1945) считается то, что он интерпретировал память как социально обусловленное явление. По мнению исследователя, индивидуальные воспоминания о прошлом, являющиеся основой для коллективных воспоминаний, зависят от «социальных рамок» самого коллектива. Дело в том, что исторические события являются внешними по отношению к жизни человека: «социальное время – совершенно внешнее по отношению к тому времени, которое переживается сознанием <...> Чтобы прикоснуться к исторической реальности <...> необходимо выйти из пределов своего «я», усвоить точку зрения группы, увидеть, как тот или иной факт стал памятной датой потому, что проник в круг национальных забот, интересов и пристрастий» [83, с. 8-9, 10, 12]. Поэтому историческая память социально обусловлена, надиндивидуальна. Хальбвакс считал, что воспоминания о прошлом являются необходимым элементом для жизни и выживания общества, они конституируют его. Коллективная память (термин введен Хальбваксом) является памятью группы о прошлом, которая усиливает взаимодействие между индивидуумом и группой, в частности, через эмоциональную связь. В свою очередь, французский социолог П. Нора считал, что исторической памятью можно назвать целенаправленные усилия общества по созданию образа прошлого и определяемой этим образом коммеморативной стратегией, а внутреннюю, естественную, память общества он назвал социальной, связанной с естественной коммуникацией, базирующейся на традиции и трансляции социального опыта [90, с. 72-73].

Термин «культурная память» был предложен Я. Ассманом и широко распространен в зарубежной историографии. Я. Ассман предлагает различать два типа памяти – коммуникативная, связанная со временем жизни свидетелей прошлого, и культурная, т.е. зафиксированная и воссозданная потомками [5 с. 52, 54]. А. Ассман считает, что «понятие «культурная память» подразумевает широкий спектр культурных практик – консервация следов, архивирование документов, коллекционирование произведений искусства и антикварных предметов с возможностью их реактивации посредством медийной репрезентации и педагогической работы. Культурная память является не только

пассивной накопительной памятью, она включает в себя реактивацию прошлого и возможность его широкого усвоения активной функциональной памятью» [78, с. 181, 183-184].

По мнению Г.Е. Гун, историческая память является формой культурной объективации феномена прошлого в сознании общества [27, с. 46]. Для С.Н. Кройтор это «...непрерывный процесс воссоздания прошлого в актуальном настоящем» [27, с. 47]. М.Л. Шуб выделила такие функции культурной (исторической) памяти как накопительная, идентификационная, стабилизационная, объяснительная, легитимизирующая, компенсаторная [90, с. 71, 73, 74]. Дело в том, что историческая память становится важным инструментом в политической жизни общества – выполняет функцию социокультурной идентичности, интегрирует общество, а непосредственно в культурной сфере становится механизмом преемственности, передачи опыта и ценностей. Исторической памяти присущи следующие характерные черты: трансформация, различие мемориальных практик, избирательность, локальность, социальная дифференцированность и потенциально конфликтность [17, с. 4; 78, с. 181; 37, с. 40]. В связи с этим выделяют варианты отношения людей к прошлому: почитание, негодование в адрес минувшего и чувство долга к нему [89, с. 62]. Большинство исследователей сходятся во мнении, что историческая память – это представления людей (индивидов, групп, общества) о прошлом [36, с. 241; 71, с. 23]. По мнению одного из ведущих российских исследователей исторической памяти Л.П. Репиной, историческая память – это «совокупность привычных восприятий, представлений, суждений и мнений относительно событий, выдающихся личностей, и явлений исторического прошлого, а также способов объяснения и осмысления последнего» [66, с. 40].

Особым видом исторической памяти является память о военных столкновениях и местах ведения боевых действий, которые могут стать символами «исторической травмы» (в случае поражения одной из противоборствующих сторон) или «исторической славы» (в случае победы), служащими основой для появления, соответственно, «травмирующей» или «прославляющей» исторической памяти. И в том, и в другом варианте памяти общество мобилизует усилия для сплочения [32, с. 8, 13]. Поля сражений, как и любой другой объект, – это, прежде всего, физическая географическая точка. Сообщества, специалисты или власть (здесь возможны комбинации) в различных целях в виду исторической значимости этого поля сражения могут придавать ему особую ценность, наделяя его соответствующим идейным содержанием. Это приводит к тому, что объект становится т.н. «местом памяти». Оно подразумевает не столько пространственно-географический аспект, а сегмент культурного пространства, где память кристаллизуется,

концентрируется, сохраняется [36, с. 243]. Место памяти может трансформироваться в пространство памяти, например, при наделении его статусом наследия, т.е. оно включается в социальные процессы [63, с. 341, 344]. Поэтому исследования памяти о прошлом тесно связаны с т.н. «heritage studies» – исследованиями наследия, центральная проблема которых – «каким образом прошлое, понимаемое комплекс объектов и смыслов, используется в настоящем – посредством практик и создания (новых) смыслов» [82, с. 30; 84, с. 23]. Роль наследия в понимании особенностей исторической памяти и ее практик велика. Наследие в фокусе интереса исследований по исторической памяти понимается, утверждает российский исследователь А.В. Фелькер, как «маркеры коллективной памяти, которые помогают выстраивать и поддерживать последнюю», и приходит к выводу, что «наследие способствует формированию, циркуляции и закреплению памяти на транснациональном (глобальном), национальном, региональном, локальном, семейном и индивидуальном уровнях» [82, с. 33]. Наследие также воспринимается как особый ресурс для социально-экономического развития региона [91, с. 129-130].

Источниками формирования исторической памяти, в т.ч. и о событиях военной истории, являются устная традиция, художественная литература, учебная литература, кинематограф, СМИ, изобразительное искусство, сетевой контент, историко-популярная литература. Именно эти источники оказывают значительное влияние на массовые исторические представления, которые отражают историческое сознание населения [69, с. 112, 117-118]. Содержанием исторической памяти является отложившееся в ней прошлое, или представления о прошедшем [67, с. 192]. В нашей работе акцент будет сделан на одной из сторон исторической памяти – механизмам и формам ее сохранения и презентации. Это является существенной частью изучения исторической памяти, и исследователь А. Васильев отмечает, что для этого необходимо ответить на следующие вопросы: «почему, каким способом, при помощи каких инструментов в том или ином сообществе в определенное время некое событие было запомнено и запомнено именно таким образом» [17, с. 5]. Историческая память **объективируется** в разных **формах**, представляющих набор элементов т.н. «культуры памяти». Формами культуры памяти и способами ее проявления, свидетельствующих о состоянии исторической памяти, выступают:

1. Профессиональная историография. Историографическая традиция как феномен исторической памяти стала отдельным направлением в рамках «memory studies» [69, с. 109; 67, с. 193]. Исследователи справедливо считают историографию формой исторической памяти. Сведения, размещенные в исследовательских работах, показывают, как авторы, изучая событие,

презентуют свое понимание прошлого. В трудах историков отражаются степень разработки проблемы, ее содержательная сторона, позиции и интерпретации по ряду актуальных вопросов прошлого. Другими словами, это та область, в которой предпринимается специальное научное изучение проблемы, и мнение автора (даже ошибочное, неполное) здесь – это и есть аспект культуры памяти. Более того, историография наряду с другими элементами формирует исторические знания через механизм присвоения (овладения) им (населением) этих знаний [67, с. 198]. Историография интерпретирует источники, предлагает свою версию событий и оказывает целенаправленное влияние на сознание общества, в т.ч. в рамках государственной политики в области идеологии. Она отражает уровень развития знаний по теме, идеологические установки, распространенные штампы, личные предпочтения авторов, специализирующихся в данной теме. При этом следует различать историческую память и историю как науку, стремящуюся дать максимально объективную, достоверную картину прошлого [72, с. 34]. Е.А. Бегунова утверждает, что «в отличие от истории память – это эмоциональное переживание, связанное с реальным или воображаемым воспоминанием и допускающее всевозможные манипуляции, изменения, вытеснения, забвения» [9, с. 60]. Историческая наука, «...стремится поддержать максимально широкое определение памяти и придать ему максимальную точность, чтобы наши знания о прошлом не ограничивались тем, что является актуальным в данный момент» [10, с. 6-7; 66, с. 46-47]. Конструирование и функционирование исторической памяти, в т.ч. и с помощью профессиональной историографии, нередко бывают зависимы от власти, отдельных групп общества. Поэтому историческую память следует рассматривать «как конструкт, рожденный сознанием, который принципиально отличается от самого прошлого, ибо потомки наполняют прошлые события новым смыслом. <...> Многообразие исторической памяти отчетливо проявляется при сравнении картины прошлого, сложившейся у профессионального историка и любителя истории, у очевидца событий и слушателя или читателя воспоминаний» [10, с. 7, 8; 67, с. 198-199]. Поэтому компетентными носителями исторической памяти (некоммуникативной) и выразителями культуры памяти следует считать именно профессиональных историков. Историческая память и историческая наука, несмотря на существенные различия, взаимосвязаны. Историки нередко сами испытывают влияние исторической памяти населения, становятся последователями определенных взглядов и на их основании строят повествование в своих работах, в т.ч. в научно-популярных [69, с. 116]. Вместе с тем, по мнению П. Нора, «у историка отбирается его традиционная монополия на интерпретацию прошлого <...> Он делит эту роль с судьей, свидетелем, средствами массовой информации и законодателем» [56, с. 208].

2. Коммеморации – мемориальные мероприятия, в т.ч. на местах событий. Историческая память представляет собой важный ресурс и атрибут национального государства. Поддержание и управление исторической памятью является функцией т.н. «институтов памяти» – система образования, индустрия развлечений, музеи, мемориалы, журналистика и др. [32, с. 12, 13-14]. Деятельность институтов памяти реализуется в рамках т.н. «политики памяти» – «деятельности государства и других акторов, направленную на утверждение тех или иных представлений о коллективном прошлом и формирование поддерживающей их культурной инфраструктуры, образовательной политики, а в некоторых случаях – и законодательного урегулирования» [51, с. 9, 11; 69, с. 110, 111]. Политику памяти и подразумевал П. Нора в термине «историческая память», о чем упоминалось выше [90, с. 73]. Политика памяти определяется самим историческим материалом и конфигурацией сложившейся инфраструктуры памяти. Именно исследования в области политики памяти обратили особое внимание на значение исторического нарратива, который является основным форматом репрезентации прошлого. Эти нарративы могут конкурировать между собой, предлагая различные идеи, от которых будет зависеть интерпретация событий и то, какие эпизоды получают освещение, а какие будут «забыты», какие уроки обществу нужно вынести из исторического опыта [51, с. 17, 18].

По мнению Е.А. Ростовцева и Д.А. Сосницкого, коммеморации – «это мобилизация памяти о том или ином объекте», а для О.Ю. Малиновой – «публичные акты вспоминания и (пере)осмысления исторических фигур и событий» [51, с. 10]. Коммеморации – это церемониальные действия, связанные с воспроизведением образа прошлого с помощью акцента на его связи с настоящим, его «публичное припоминание». Коммеморации имеют знаково-символический аспект, проявляющийся в акценте на «сакральности» времени и места их проведения за счет переживания прошлого, его актуализации в настоящем. Поэтому коммеморации в определенной степени напоминают ритуалы. Цель ритуалов, по мнению французского социолога Э. Дюркгейма (1858-1917), взгляды которого оказали влияние на Хальбвакса, – связывать настоящее с прошлым путем воскрешения, оживления последнего в виде обрядов, призванных не допустить стирание прошлого из памяти. Именно проведение обрядов в рамках ритуала способствует сплочению общества, солидарности в нем, напоминает ему об основных ценностях. Значение имеет и то, что коммеморации собирают людей, происходит их концентрация, что важно для совместного переживания прошлого [15, с. 151, 152-153]. Такими мероприятиями являются митинги (и речи, произносимые на них), возложение венков у памятников, конференции, военно-исторические фестивали и т.д., выступающие в роли «набора ритуалов памяти». К коммеморациям можно

отнести и создание музейных экспозиций, выставки (в частности, их торжественное открытие), презентации книг, установку памятников и памятных знаков на местах событий. Музей обоснованно считается инструментом политики памяти, экспозиция которого формирует особое пространство памяти, призванное оказывать влияние на посетителя [69, с. 110, 111; 84, с. 27]. Малинова объединяет все это под общим названием «социально-культурная инфраструктура памяти», и отмечает, что ее изменение – один из самых важных инструментов политики памяти [51, с. 11]. Инфраструктура памяти может функционировать только тогда, когда она подкреплена соответствующими нарративами, созданными обществом [16, с. 464].

Именно в этих двух формах (профессиональная историография и коммеморации) можно выявить культуру памяти общества. Она включает создание, использование, переживание обществом своего прошлого [72, с. 33]. Культура памяти свидетельствует об уровне исторического сознания населения и его представлений о прошлом. Поэтому Е.В. Романовская считает, что «историческая память понимается как совокупность донаучных, научных, квазинаучных и вненаучных знаний и массовых представлений социума об общем прошлом... или вернее, его символическая репрезентация» [72, с. 34]. Очевидно, что в одном обществе может существовать варианты видения прошлого, разнообразные версии его хода и значения, которое придают ему группы. В связи с этим в обществе можно наблюдать функционирование и неофициальной памяти, которая может представлять оппозицию предложенным ранее взглядам на историю, или может существовать ситуация плюрализма мнений [51, с. 16].

Таким образом, общество стремится помнить свое прошлое, однако оно избирательно подходит к его актуализации. Содержание прошлого, его актуализация и презентация определяются социальными нормами, взглядами на историю исходя из потребностей настоящего. По нашему мнению, историческая память – это конструирование и сохранение образа прошлого обществом, обращаясь к которому оно переживает свою связь с ним и использует его для решения актуальных задач своего развития. Историческая память имеет две стороны: культуру памяти, которая включает конструирование образа прошлого и его презентацию в историографии и «политику памяти» – мемориальные практики, используя которые, власть или сообщества стремятся утвердить свой взгляд на прошлое для определенных целей, сохраняя разработанный образ прошлого. Если историческая память – это представления людей о прошлом, то культура памяти и политика памяти – это то, как проявляется и используется историческая память, т.е. работа с ней, ее репрезентация. Историческую память иногда полностью связывают с понятием «политика памяти», понимая ее в этом случае как политический

проект [67, с. 196]. Политика памяти поддерживает представления общества о прошлом и отношении к нему, используя различные формы культуры памяти. Однако некоторые формы культуры памяти могут функционировать и самостоятельно от форм, предлагаемых политикой памяти, а в дальнейшем противостоять или быть интегрированными в ее стратегию.

ГЛАВА 2 АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ СРАЖЕНИЙ И ПЕРЕПРАВЫ ЧЕРЕЗ БЕРЕЗИНУ В СОВРЕМЕННОЙ БЕЛОРУССКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

2.1 Состав и численность армий, планы противоборствующих сторон

Данный вопрос является одним из самых спорных аспектов изучения рассматриваемой в этой главе проблемы. Единого мнения о численности Великой армии накануне березинских событий в историографии, в т.ч. белорусской, не существует. Историк В.В. Антонов считает, что к Березине у Наполеона в главной армии было около 30 тыс. боеспособных и 30-40 тыс. небоеспособных человек, а также двигавшиеся к нему для соединения части польских войск и войск ВКЛ, насчитывавшие около 10 тыс. (имеются в виду силы дивизионного генерала Я.Г. Домбровского (1755-1818) и Н. Брониковского), а также 2-й пехотный маршала Н.Ш. Удино (1767-1847) и 9-й пехотный маршала Виктора (1764-1841) корпуса, которые насчитывали вместе 25 тыс. человек [4, с. 173]. Тарас считает, что силы Великой армии к Березине составляли 45 тыс., Груцо – 36 тыс. боеспособных человек [77, с. 193; 25, с. 96]. Актуальным является вопрос количества небоеспособных (некомбатантов) и гражданских лиц, находившихся с армией. Цифры разнятся от 30-40 тыс. небоеспособных до 50 тыс. человек [4, с. 173; 25, с. 96; 77, с. 200-201]. К некомбатантам как правило относят деморализованных солдат из распавшихся воинских соединений или покинувших свои части, гражданских лиц [77, с. 200, 201]. Общая численность сил Великой армии к началу действий на Березине (21 ноября) оценивается примерно в 40-47 тыс. чел.: у Наполеона в главной армии – около 15-20 тыс. человек (гвардия – около 6-7 тыс., отдельные корпуса – примерно 13-14 тыс. человек), 2-й корпус маршала Удино – 10-12 тыс., 17-я пехотная дивизия генерала Домбровского, двигавшаяся из-под Бобруйска, и остатки минского гарнизона бригадного генерала Брониковского в Борисове – около 5 тыс. (вместе), 9-й корпус маршала Виктора – 10 тыс. человек [19, с. 7; 73, с. 406]. Нужно отметить, что накануне березинских событий корпуса маршалов Удино и Виктора, а также Императорская гвардия в большей степени обладали высокой дисциплиной и боеспособностью. По нашему мнению, общая численность боеспособных войск в Великой армии к началу боевых действий в районе Березины составляла около 36-38 тыс. человек. Следует отметить, что в составе Великой армии на Березине находились остатки созданных Временным правительством ВКЛ полков пехоты и кавалерии,

насчитывающие после боев под Новосверженем и Койданово в общей сложности около 1 тыс. человек.

Трудности вызывает определение плана Наполеона в действиях на Березине. Первоначальный план Великой армии – продвигаться на Минск через Борисов, чтобы минские склады достались Великой армии, а не российской армии [6, с. 2-3; 29, с. 44]. С разрушением моста в Борисове 23 ноября планировалось идти через Студенку, отвлекая русских на юге, на Вильно или Минск. Однако изменения в оперативной обстановке 23-25 ноября внесли свои коррективы в планы французского императора.

С вопросом о численности российской армии меньше: 3-я армия адмирала П.В. Чичагова (1767-1849) насчитывала ок. 30 тыс., 1-й отдельный пехотный корпус генерала П.Х. Витгенштейна (1768-1843) – ок. 35 тыс., авангард главной армии Кутузова, преследующий главные силы Наполеона – 10-15 тыс. человек. Антонов считает, что у Чичагова было 35 тыс., у Витгенштейна – 40 тыс. человек [4, с. 172]. Всего в районе Березины российская армия имела примерно 70-90 тыс. человек. Первоначальный план «Березинской операции» российской армии – силами армии Чичагова, корпуса Витгенштейна совместно с армией Кутузова окружить Наполеона в районе Березины, не дав ему переправиться, и уничтожить его армию [6, с. 3; Тарас, с. 193; 29, с. 44-45; 40, с. 178; 4, с. 172-173]. Для этого Чичагову нужно занять Борисов, чтобы преградить путь отступающему Наполеону. Однако изменения в оперативной обстановке 23-25 ноября, как и в случае с планами Наполеона, внесли свои коррективы в действия командующих российской армией.

Касательно датировки рассматриваемых событий существует мнение Грачев, который считает, что события 21-29 ноября можно объединить под названием «Сражение на Березине» [24, с. 258]. Это мнение вносит путаницу, т.к. основные действия, кульминация операции на Березине относится к 26-29 ноября.

2.2 Ход боевых действий и потери

Первое столкновение произошло 21 ноября 1812 г., когда авангард 3-й Западной армии адмирала Чичагова под командованием генерал-лейтенанта К.О. Ламберта (1773-1843) (около 4,5 тыс. человек при 36 орудиях) атаковал борисовский тет-де-пон¹ (т.н. «Батарей»), защищаемый частями «Великой армии» во главе с генералом Домбровским (около 4-4,5 тыс. человек при 20 орудиях), в основном это были польские части. Однако Грачев считает, что

¹ От франц. tête-de-pont («предмостное укрепление»), фортификационное сооружение, построено накануне войны в Борисове.

силы Великой армии насчитывали 6 тыс. [24, с. 28]. Что касается названия сражения в историографии, то нужно отметить, что исследователи справедливо не называют его «сражение при/за тет-де-пон». Тарас называет это столкновение «Борисовское сражение», Лукашевич – «Сражение за Борисов», Лякин – «Бой за Борисов», Антонов – «Борисовская битва» [77, с. 193; 41, с. 43, 44; 3, с. 319; 43, с. 231]. Относительно датировки этого события Антонов предлагает 21-23 ноября, включая сражение 23 ноября при Лошнице [3, с. 319]. Из-за недостаточной бдительности и неосторожности солдаты Великой армии, находящиеся на тет-де-поне, приняли приближающихся к нему русских за своих. После ожесточенного боя части Великой армии не смогли удержать тет-де-пон и город. Они вынуждены отступить, а Борисов был занят российскими войсками. Примечательно, что Мазинг утверждает, что Великая армия потеряла только пленными 2,5 тыс. чел., что не соответствует действительности, как показал Лякин [46, с. 16]. По мнению Лякина и Грачева, потери составили примерно по 2-2,5 тыс. чел. с каждой стороны, т.е. почти половина от начальной численности сторон [24, с. 38; 43, с. 238-239; 18, с. 79, 80]. Значение борисовского сражения состоит в том, что путь отступления Наполеона перекрыт взятием Борисова российскими войсками, и возникла угроза окружения Великой армии [43, с. 241; 25, с. 96].

Узнав о потере Борисова, Наполеон приказал маршалу Удино вернуть город, в котором был мост через Березину. Чичагов, в свою очередь, не зная о точном местонахождении и численности основных сил Наполеона, после занятия Борисова выдвинул авангард своей армии во главе с генерал-майором П.П. Паленом (1775-1843) (около 3 тыс. человек при 24 ор.) в направлении д. Лошница. 23 ноября на пространстве между д. Неманица и д. Лошница авангард Палена встретился с авангардом 2-го корпуса Великой армии под командованием французского бригадного генерала Б.П. Кастекса (1771-1842) (около 3,5 тыс. человек при 12 орудиях). Из-за сложного характера местности и давления частей Великой армии Пален не смог развернуть большую часть своих войск в боевой порядок, и был вынужден отступать, неся потери, в то время как к Кастексу подоспели основные силы корпуса Удино (около 8 тыс. человек). Частям Великой армии, преследовавшим отступающих русских, на подходе к городу не было оказано серьезного сопротивления. Части Великой армии вошли в Борисов, что внесло панику среди находившихся в городе российских войск Чичагова, заполненном обозами. Части российской армии были вынуждены в беспорядке перейти на правый берег. Спешенные кавалеристы Великой армии попытались овладеть мостом, но были отеснены. Мост через Березину был разрушен. В историографии вопрос вызывают потери, которые понесла российская армия. Антонов считает, что 21-23 ноября она потеряла около 3 тыс., т.е., видимо, примерно 1 тыс. в сражении 23 ноября,

Великая армия – приблизительно 5 тыс. человек (потери в Борисовском сражении завышены) [3, с. 319]. Лякин считает, что российская армия потеряла 23 ноября не менее 500 убитыми и ранеными и около 1 тыс. пленными, Великая армия – 300 человек. [43, с. 246; 73, с. 414; 18, с. 90, 91]. Итог боев 23 ноября заключается во временном переходе инициативы в руки Наполеона. Груццо считает, что Удино установил контроль над левым берегом, что позволило ему заняться поиском места для переправы [25, с. 109].

Наполеон в сложившейся обстановке решил найти переправу в другом месте. 6-й легкой кавалерийской бригадой французского генерала Ж.-Б.Ж. Корбино (1776-1848), двигавшейся на соединение со 2-м корпусом Удино, 21 ноября был обнаружен брод возле д. Студёнка [18, с. 83]. Считается, что брод был найден вахмистром 8-го уланского полка Я. Хлопицким (1788-1844), однако Лякин приводит версию, что «первооткрывателем» места переправы был поручик этого же полка Ф. Булгарин (1789-1859), впоследствии известный российский писатель [43, с. 272]. Проблемой в белорусской историографии следует считать определение направления отступления Наполеона, в частности, после потери им Борисова. Балябин считает, что в случае удачной переправы предполагалось двигаться на Минск (это было предпочтительнее) или Вильно [6, с. 4, 5-6, 17; 19, с. 11, 13-14]. Кутузов считал, что путь движения Великой армии пролегает по направлению к Минску [4, с. 174]. Кроме Студенки существовали и другие броды – в д. Веселово, Стахово и Ухолода. Однако было решено строить мосты в Студенке, в связи с тем, что это место было проверено и находилось на безопасном расстоянии от Борисова. Один (верхний) мост предназначался для пехоты и кавалерии, второй (нижний) – для артиллерии и обозов. Одновременно с подготовительными работами 23 ноября у Студенки были предприняты ложные демонстрации в других пунктах. Для отвлечения внимания противника от настоящего места переправы были начаты подготовительные работы в районе д. Ухолода [4, с. 174]. Также происходило накопление войск и небоеспособных в Борисове с целью ложной демонстрации попытки восстановления борисовского моста. По мнению Балябина, Наполеон надеялся на возможность действительно восстановить этот мост [6, с. 17, 5-6; Тарас, с. 197]. Для этого Наполеон 25 ноября лично его осматривал на виду у противника, создавая видимость активизации действий на этом участке, чему способствовало нахождение войск и некомпатантов в городе. В связи с ложным маневром к Ухолодам среди местного населения был распространен слухи о том, что переправа пройдет именно там. Об этом Чичагову сообщили несколько борисовских евреев, которые ранее были приглашены на беседу к Удино, интересовавшегося у них местом для переправы южнее Борисова [25, с. 110; 46, с. 27-28; 44, с. 135; 24, с. 50, 80]. Это подтверждалось и информацией от Кутузова, что Наполеон переправится южнее и будет двигаться на Минск,

стремясь соединиться с австро-саксонскими войсками генералов К.Ф. Шварценберга (1771-1820) и Ж.-Л.-Э. Ренье (1771-1814). Поэтому Чичагов, оставив небольшие отряды в Брилях и Зембине во главе с генералом Е.И. Чаплицем (1768-1825) (около 5 тыс. человек) и на тет-де-поне во главе с генералом А.Ф. Ланжероном (1763-1831) (также примерно 5 тыс. человек), во второй половине дня 25 ноября выдвинулся с 15 тыс. к Забашевичам, рассчитывая на то, что он разгадал замысел Наполеона. В свою очередь части Великой армии 25-26 ноября продолжали сосредотачиваться в районе Студенки.

Для создания переправы в Студенке 900 саперов и понтонеров под командованием французских генералов Ж.-Б. Эбле (1758-1812) и Ф. Шасслу-Лоба (1754-1833) в ночь на 26 ноября приступили к изготовлению необходимых приспособлений [6, с. 7]. Трудности подготовки к возведению составляло, во-первых, отсутствие необходимых принадлежностей. Понтонный парк Великой армии по приказу императора был уничтожен в Орше, для того, чтобы освободить лошадей и передать их для транспортировки артиллерии. Однако Эбле сохранил незначительную часть из этого парка (2 походные кузницы, 2 повозки угля, и 6 ящиков с инструментами, каждому понтонеру сверх дано по 2-3 топора и 20 больших гвоздей). Во-вторых, ширина реки составляла около 30 м, однако из-за разлива в виду потепления и заболоченности нужно было построить мосты длиной около 100 м и шириной 3,5 м при глубине реки 2 м [44, с. 136; 29, с. 47]. Нужно отметить, что все авторы подчеркивают героизм и самоотверженность понтонеров и саперов. Создание переправы в целом подробно восстановлено белорусскими историками, опирающихся при исследовании на дневники французских офицеров понтонеров Л. Шапеля и Ж. Шапюи, однако один из важных эпизодов получил освещение только в работе Лякина. Речь идет об отправке после взятия Борисова маршалом Удино 23 ноября генерала К. Обри для рекогносцировки и начала подготовительных работ в Студенке. Дело в том, что эти работы, проведенные 24 ноября, были неудачными: изготовленные под руководством Обри козлы для мостов не подходили, что и повлекло за собой ускоренную работу саперов и понтонеров в ночь на 26 ноября по подготовке к строительству мостов [43, с. 272-273, 275; 18, с. 93, 94]. Многие саперы и понтонеры, при возведении мостов стоявшие по несколько часов попеременно по грудь в холодной воде, вскоре погибли от переохлаждения [80, с. 31, 38, 41-42].

Утром 26 ноября большая часть сил генерала Чаплица (около 3-3,5 тыс. человек), выполняя приказ Чичагова, считавшего, что переправа Великой армии пройдет южнее Борисова, покинула район Брили-Зембин и направилась к Борисову на соединение с находившимися там войсками Ланжерона, который

сообщал Чаплицу, чтобы он усилил его в связи с активностью противника напротив тет-де-пона. В Брилях был оставлен отряд генерал-майора П.Я. Корнилова (1770-1828) (около 1,5 тыс. при 4 ор.). С уходом Чаплица сразу под прикрытием артиллерии французские и польские кавалерийские части под командованием генерала Кастекса вброд перешли Березину, перевезя с собой часть пехоты с целью создать плацдарм, а еще часть пехоты переправилась на плотках. Точное количество войск, переправившихся для создания плацдарма неизвестно, но можно предположить, что их было примерно 2-3 тыс. человек. Эти войска столкнулись в перестрелке с выдвинувшимися силами генерала Корнилова, который стремился воспрепятствовать наведению мостов и продвижению переправляющихся вражеских частей. Однако этого ему не удалось: батарея 13-й конно-артиллерийской роты капитана И.К. Арнольди (1780-1860), пытавшейся помешать наполеоновским войскам, отступила под сильным огнем батареи французской гвардейской артиллерии с противоположного берега, а Корнилов, испытывая давление переправившихся частей Удино, отошел к Стахову. Этот бой под названием «Сражение у д. Брили» подробно отражен в историографии только у Грачева и Лякина. Примечательно, что Витгенштейн, находившийся в это время в д. Бараны (северо-восточнее Студенки) не решил помешать переправляющейся недалеко Великой армии, а пошел на Старо-Борисов, о чем пишет Лякин [43, с. 279]. Более того, у Веселова кавалеристы Великой армии отбросили казаков, которые не уничтожили зембинские гати, что позволило Великой армии в дальнейшем продолжить отступление. К 13 ч мосты были готовы, и началась переправа корпусов, осложненная несколькими произошедшими поломками мостов, с которыми справились понтонеры, снова работавшие в реке.

Чичагов только в полдень 26-го узнал о настоящем месте переправы. Пролодав усиленный марш, он 27 ноября вернулся в Борисов. В этот же день произошел один из самых известных и противоречивых эпизодов березинских событий – капитуляция французского генерала Л. Партуно (1770-1835). 27 ноября 12-я пехотная дивизия под его командованием (около 4 тыс. человек) из 9-го корпуса Виктора, находившаяся в Борисове и составлявшая арьергард «Великой армии», покинула город и выдвинулась в сторону Студенки на соединение с основными силами 9-го корпуса. Однако в районе д. Староборисов она столкнулась с основными силами противника из корпуса Витгенштейна (около 20 тыс. чел.). Дело в том, что пытаясь пробиться и выйти к Студенке, части дивизии Партуно пошли не той дорогой и оказались перед российскими войсками. К Партуно был отправлен парламентар с предложением ему капитулировать. Парламентар был задержан, а дивизия Партуно атаковала противника. В ходе ожесточенного боя, проходившего вечером, части Великой армии были оттеснены превосходящими силами. Партуно для задержки

времени отправил своего парламентаря под видом обсуждения условий капитуляции, а сам решил с остатками одной бригады своей дивизии прорваться к переправе. Однако в темноте он вышел в распоряжение казачьего полка и сложил оружие. Остатки двух других бригад дивизии провели ночь недалеко от Староборисова в боевой готовности, но утром были вынуждены также сложить оружие. Современники были уверены, что это было предательство со стороны Партуно, однако впоследствии генерал был оправдан [80, с. 28]. В литературе встречаются сведения, что сдались около 8 тыс. чел, однако при этом указывается общее число плененных, среди которых были и небоеспособные, о чем, например, Мазинг и Грачев не упоминают [46, с. 46]. Более того, Мазинг не отметил потери российской армии в бою при Староборисове (им не названо даже место этого сражения). Боеспособных сил у Партуно было около 4 тыс., остальные 4-5 тыс. человек с ними – это были некомбатанты [25, с. 116-117; 24, с. 149; 42, с. 435; 70, с. 160-161]. Известно, что потери Партуно в бою составили около 1,5 тыс. чел., что указывает на активное сопротивление дивизии российским войскам, потерявшим не менее 1 тыс. человек [43, с. 252; 80, с. 28; 73, с. 414]. Только 4-й батальон 55-го полка линейной пехоты под командованием майора Жуайе (чуть более 200 человек) смог избежать окружения и плена, воспользовавшись другой дорогой, которая привела их к Студенке в распоряжение войск корпуса Виктора [24, с. 150]. В связи с тем, что дивизия Партуно еще не подошла к Студенке, Наполеон, не зная о том, что с ней случилось, оставил корпус Виктора на левом берегу для ожидания и присоединения к нему этой дивизии, несмотря на то, что к середине 27 ноября все боеспособные части Великой армии уже переправились. Поэтому 27 ноября мосты были сохранены, в т.ч. и для переправы небоеспособных, что повлекло за собой сражения на обоих берегах на следующий день [43, с. 252; 42, с. 435]. 27 ноября российская армия не атаковала позиции Великой армии (была только незначительная перестрелка между передовыми отрядами), т.к. сосредотачивала силы, войскам был дан отдых для предстоящего сражения. Только после сдачи в плен дивизии Партуно между Чичаговым и Витгенштейном установилась связь.

28 ноября на обоих берегах состоялись главные сражения за березинскую переправу. Тарас объединяет их под названием «сражение при Студенке», тем самым, видимо, показывая первостепенное значение боя именно на левом берегу [77, с. 197]. Грачев называет сражение на правом берегу «Сражение при Брилях и Стахове» [24, с. 312]. Столкновение получило название «Сражение в Стаховском лесу», а у французских современников и во французской историографии – «Битва при Большом Стахове», «Битва на Березине» [93, с. 48]. На правом берегу войска маршалов Удино и М. Нея (1769-1815) противостояли войскам Чичагова под командованием генералов

Чаплица и И.В. Сабанеева (1770-1829). В белорусской историографии описание диспозиции Великой армии на правом берегу представлено мнениями Грачева и Лукашевича (2 линии и резерв) и Лякина (3 линии и резерв) [43, с. 257]. Различные данные приводятся и в отношении численности Великой армии на 28 ноября на правом берегу. Лукашевич, Тарас и Груцко считает, что у Удино и Нея на правом берегу было 10 тыс., и резерв 2,5 тыс. человек (из других корпусов?) [42, с. 435; 25, с. 117; 77, с. 199-200]. Эти данные сведения ошибочны и неполны. Лякин приводит следующие цифры: 13 тыс. в трех линиях (в т.ч. кавалерия генерала Думерка) и гвардия в резерве [43, с. 257]. Всего у Наполеона к 28 ноября в распоряжении было около 28 тыс. боеспособных солдат, из них на правом берегу около 20 тыс. [19, с. 39, 70-71; 73, с. 409-410]. Сразу же отметим, что для ряда исследователей и широкой общественности Брилевское поле воспринимается как непосредственное место боя 28 ноября. В связи с этим нужно сказать, что в районе Брилевского поля находились биваки Императорской гвардии, которая перед боем заняла пространство возле хутора Занивки, где была ставка Наполеона. Само место боя было южнее, в Стаховском лесу, который был не таким густым как в настоящее время [19, с. 70-71, 73; 73, с. 410]. Возможно, традиция соотносить Брилевское поле со сражением 28 ноября появилась по аналогии с названиями других памятных мест сражений, например, Бородинское поле, Куликовское поле и т.п.

Главными содержательными пунктами сражения на правом берегу в литературе стали отвага швейцарских полков, защищавших подступы к самой переправе и понесших тяжелые потери, введение в бой 2-й линии войск Великой армии, в которой мужественно сражались польские войска, усиление Чаплица войсками Сабанеева, его тактическая ошибка, которая привела к успеху атаку кавалерии французского генерала Думерка, и последовавшая за ней контратака российской кавалерии. Мазинг считает, что 28 ноября артиллеристы Арнольди «отстояли дорогу на Стахов и Борисов», однако в планах Наполеона не было желания двигаться на город: Удино, выдержав удар, оттеснил русские части для создания благоприятной оперативной обстановки в районе переправы [46, с. 42-43]. Потери в этом сражении со стороны Великой армии составили примерно 5 тыс., российской армии – около 4-5 тыс, в т.ч. 1,5 тыс. убитыми, ранеными и пленными в результате атаки Думерка [43, с. 261-262; 73, с. 411, 414; 19, с. 96, 98]. Мазинг считает, что русские потеряли 2 тыс. чел., что является явным занижением, хотя бы в связи с результатами атаки Думерка [46, с. 43]. Значение сражения на правом берегу – Наполеон сумел сохранить за собой переправу и Зембинскую дорогу для отступления [43, с. 261].

На левом берегу части 9-го пехотного корпуса маршала Виктора сражались с силами из корпуса Витгенштейна. Столкновение получило название «Сражение при Студенке» [43, с. 264]. Диспозиция Виктора не вызывает вопросов среди исследователей. Слева направо с точки зрения русской позиции ближе к Березине находились французский батальон Жуайе и баденская пехотная бригада В. фон Хохберга (1792-1859), далее – бергская пехотная бригада генерала Дама, польская пехотная дивизия генерала Ж.-Б. Жирара (1775-1815), саксонская пехотная бригада, немецкая кавалерия генерала Ф.-Л. Фурнье (1773-1827) [24, с. 181-183]. При этом показателен национальный состав корпуса Виктора на Березине – кроме батальона Жуайе и части артиллеристов преобладающее количество войск были нефранцузского происхождения, т.е. иностранные контингенты на французской службе [73, с. 410]. Это не помешало Мазингу и целому ряду других авторов, говорить по традиции о французах, защищавших Студенку. Грачев считает, что у Виктора было 10 тыс. чел., что является завышенными данными [24, с. 181]. Более достоверные сведения представляет Лякин (6,5 тыс. при 14 ор.), Груцо (7 тыс.), Лукашевич (7 тыс. и 20 ор.), а за ним и Тарас [43, с. 264; 42, с. 435; 77, с. 200]. По подсчетам российского историка О.В. Соколова, основывающихся на рапорте самого маршала, в строю у Виктора находилось 6,5-7 тыс. человек [73, с. 410]. В российской армии силы, которыми Витгенштейн располагал для боя, насчитывали около 15 тыс. человек при 46 орудиях [43, с. 264].

Описание трагедии на мостах – главный сюжет в исследованиях наряду со сражением 28 ноября [25, с. 119]. Авторы уделяют внимание панике на мостах во время сражения из-за обстрела русской артиллерии и перегруженности. В целом отмечают большие потери Великой армии и некомбатантов в этот день. Атака кавалеристов Великой армии из немецких земель, получившая название «атака смерти» стала самым ярким эпизодом при описании данного сражения [43, с. 269]. Виктор был вынужден отодвинуть свой левый фланг назад, чтобы не быть окруженным, но остался в оборонительной позиции [73, с. 413]. Потери Великой армии в этом бою составили около 4-4,5 тыс. человек [43, с. 269]. Российская армия по Грачеву потеряла 1,5 тыс. человек, но эти данные следует считать заниженными [24, с. 212; 19, с. 111; 73, с. 414]. Лякин считает, что потери российской армии сопоставимы с потерями противника [43, с. 269]. В бою отличились немецкие кавалеристы, пожертвовавшие собой в критический момент боя, а также польская и саксонская пехота. Значение сражения на левом берегу, по мнению Лякина, в том, что «французы удержали прикрывавшие переправу на Березине позиции» [43, с. 264].

Подсчет потерь не предпринимался белорусскими исследователями, ограничивающихся по отношению к Великой армии представлением

традиционных цифр в 40-50 тыс. человек, считая некомбатантов. Антонов считает, что Великая армия потеряла до 70 тыс. чел., главным образом при переправе, Самусенко – 40-50 тыс., Лукашевич – что общие потери Великой армии в боях 28 ноября составили 10 тыс. (вместе с пленными), а общие 40-50 тыс. (большая часть из них – небоеспособные), а со стороны российской армии – 6-9 тыс. человек [70, с. 13; 42, с. 435]. За период 21-29 ноября потери с обеих сторон были следующие: Великая армия потеряла боеспособными не менее 12-14 тыс. убитыми и ранеными и около 3 тыс. человек пленными (всего 15-17 тыс. человек), а российская армия – примерно 10-12 тыс. убитыми и ранеными и не менее 2 тыс. пленных (всего 12-14 тыс. человек) [73, с. 414; 19, с. 123] [Приложение А]. Таким образом в Великой армии осталось около 20 тыс. человек. Наряду с французами, в сражениях за переправу особенно отличились польские, голландские, швейцарские, немецкие воинские формирования, составившие значительную часть от потерь [80, с. 31, 38, 41-42]. Количество утонувших при переправе, умерших в эти дни от голода и холода, изнеможения, установить весьма затруднительно и оно может достигать нескольких тысяч. Тарас считает, что из 40 тыс. некомбатантов, которые не смогли переправиться, «2/3 были вырезаны казаками» (!). Учитывая то, что 30 тыс. боеспособных смогли переправиться, общую численность войск и некомбатантов Тарас оценивает в 70 тыс. человек [77, с. 200, 201]. Предположительно, 21-29 ноября в плен попало не менее 15 тыс. некомбатантов, считая 4-5 тыс., находившихся с дивизией Партуно.

2.3 Итоги сражений и переправы

В белорусской историографии сражений и переправы через Березину относительно их итогов нужно выделить ряд точек зрения по этому вопросу, которые можно сформулировать следующим образом:

А) «Березина – победа армии Наполеона, но тяжелой ценой». К группе исследователей, придерживающихся такого мнения, относятся Груцо, Тарас, Лякин.

Б) «Березина – поражение армии Наполеона, но не ее уничтожение из-за промахов российской армии» (Антонов, Грачев, Лукашевич).

В) «Березина – победа российской армии, уничтожение армии Наполеона» (Мазинг, Самусенко).

Рассмотрим каждую точку зрения по отдельности. Тарас приходит к выводу, что «французские войска, несмотря на весьма неблагоприятные условия, смогли удержать позиции на обоих берегах реки и обеспечить переправу боеспособных частей» [77, с. 201; 24, с. 253]. Успешные действия

Наполеона стали возможными благодаря следующим обстоятельствам. Во-первых, это военный талант Наполеона, который смог ввести в заблуждение дезинформированного Чичагова. Наиболее четко это мнение выражено авторами книги «Друцк. Борисов»: «гений Наполеона стал главным фактором спасения французской армии и войск союзников на Березине» [44, с. 137]. За счет тяжелых потерь корпусов Удино и Виктора, присоединившихся к основным силам, Великая армия одержала победу. Груцц приходит к выводу, что это была «пиррова победа» Великой армии [25, с. 124; 54, с. 232; 24, с. 262-263, 264; 40, с. 178]. При оценке результатов Березинской переправы авторы используют следующие характеристики: Наполеон «ускользнул» от русских (Тарас), что ему «удалось уйти от разгрома» (Грачев), «тигр вырвался» (Лукашевич), «прорвались из окружения» (Антонов) [77, с. 203, 204; 24, с. 258, 262-263; 40, с. 178; 4, с. 174]. Великая армия смогли захватить и удержать плацдарм на правом берегу, Чичагов не смог его ликвидировать, Виктор удерживал мосты, по мнению Антонова, «пока не прошли все боеспособные части [они прошли уже к середине 27 ноября. – Д.Р.]» [4, с. 174]. К похожему выводу приходит и Лякин: «Наполеон сумел, хотя и с огромными потерями, переправиться через Березину и продолжил отступление» [43, с. 230]. Лукашевич формулирует это следующим образом: «В результате боев около Студенки, несмотря на неблагоприятные условия, смогли удержать позиции на обоих берегах и обеспечить переправу через Березину боеспособных войск», однако добавляет, что «Березинская операция, даже не совсем удачная для русских поставила Наполеона на край гибели. Его Великая армия фактически перестала существовать: после переправы осталось только 9 тыс. боеспособных и 10-15 тыс. небоеспособных человек» [42, с. 435]. Это мнение, широко распространенное в историографии, основывается на неполных сведениях. По нашим подсчетам, у Наполеона осталось около 20 тыс. боеспособных человек. Переправившись с боем у Студенки, армия Наполеона успешно вышла из тяжелейшего положения, но понесла при этом колоссальные потери. Возникает вопрос: зачем корпус маршала Виктора защищал мосты, если боеспособные части уже переправилась? Как мы уже отметили выше, это было сделано для спасения дивизии Партуно и отставших, не спешивших переправиться на правый берег [73, с. 412].

Во-вторых, переправа Великой армии удалась благодаря ошибкам российских командующих. В книге «Друцк и Борисов» отмечена главная проблема в изучении темы: «чем вызвана неоднозначная оценка итогов Березинской операции?» [44, с. 133]. Мазинг считает, что виновными стали Чичагов, не знавший о силах, месте переправы и направлении отступления противника, и Витгенштейн, который проявил нерешительность 26 и 28 ноября [46, с. 53, 54]. При этом Мазинг стремится оправдать Кутузова [46, с. 56-57].

Это неудивительно, поскольку он продолжает линию, заложенную еще Корнейчиком, который сформулировал итоги березинских событий в ожидаемом ключе: «... мудрый замысел великого полководца [т.е. Кутузова. – Д.Р.], не осуществился вследствие ошибочных действий Чичагова и Витгенштейна, не выполнивших точно приказаний Кутузова, который во время березинской переправы Наполеона находился при главных силах русской армии более чем за 100 километров от Березины» [38, с. 98]. Важным замечанием по этому поводу следует считать мнение авторов книги «Друцк и Борисов» о том, что надпись на советском памятнике 1962 г. в Студенке о том, что русская армия под командованием Кутузова завершила разгром наполеоновской армии не соответствует действительности [44, с. 131; 85, с. 66]. Лукашевич подчеркивает, что Кутузов оказался непричастен к событиям [40, с. 180]. Примечательно, что в белорусской историографии утвердилось мнение, что только отвлекающие действия Наполеона дезориентировали Чичагова. Дело в том, что адмирал получал неточную информацию и от военачальников из российской армии – Кутузова, как уже отмечалось, и Витгенштейна. Этот нюанс присутствует только у Лякина и Тараса, зато у других имеется по традиции только критика действий адмирала, введенного Наполеоном в заблуждение [43, с. 275; 77, с. 203; 46, с. 27; 38, с. 98]. Лукашевич указывает на различные точки зрения современников и историков насчет действий Чичагова, который стал «козлом отпущения», что повлекло за собой негативное отношение к адмиралу, однако следует признать, что действия Чичагова более всех помешали Великой армии в операции и нанесли ей значительные потери [40, с. 179]. Нестерчук и Лукашевич приходят к выводу, что ошибки русских привели к «провалу Березинской операции» [54, с. 232; 40, с. 178]. Планы российского командования окончательно разбить Наполеона на Березине не осуществились [44, с. 131]. Авторы отмечают, что РИА не выполнила свои задачи по окружению и уничтожению противника. Антонов указывает, что армия Чичагова не смогла закрепиться на левом берегу, и не получив помощи от войск Витгенштейна и Кутузова, была вынуждена перейти к обороне [24, с. 264, 269-270; 4, с. 174; 42, с. 435]. Тарас в качестве факторов неудач российской армии считает ошибки Чичагова и нерешительность Витгенштейна [77, с. 203].

Таким образом, в качестве объяснения неудачи по проведению операции РИА можно отметить комплекс причин:

1. Чичагов не имел достаточно сил для действий на данном участке.
2. Кутузов не подошел с основными силами к месту предполагаемого окружения армии Наполеона.
3. Зембинские гати не были уничтожены русскими.
4. Витгенштейн не помешал строительству мостов 26 ноября.
5. Дезинформирование и ложные демонстрации.

6. 28-го ноября не все силы российской армии были введены в бой. Витгенштейн вводил войска постепенно, что позволило Виктору удержаться.

7. Тактическая ошибка Сабанеева (использование рассыпного строя)

8. Стойкость, мужество частей Великой армии.

9. Большое количество взятых в плен мешало действиям российской армии [19, с. 139, 141, 143].

Противоречивым является мнение Мазинга, утверждавшего, что «Наполеон в весьма неблагоприятной ситуации сумел проявить организаторские и полководческие способности», однако при этом называет его «битым императором» [46, с. 51]. Более того, Мазинг считал, что «на Березине наполеоновская армия прекратила свое существование как организованная военная сила. Она превратилась в толпу беглецов, ряды которых таяли изо дня в день <...> Он из всей своей армии никого не привел из России назад <...> после боя на Березине армия Наполеона в военном смысле перестала существовать», но вместе с этим автор отмечает «Наполеону помог его талант» [46, с. 50-51, 52]. Т.е. тем самым автор нивелирует то, что задача российской армии не была выполнена. В армии Наполеона, как мы уже отмечали ранее, после сражений на Березине осталось около 20 тыс. человек боеспособных войск, поэтому мнение Мазинга о прекратившей существование наполеоновской армии неправомерно. Крайней точкой зрения следует назвать мнение Самусенко. Автор считает, что при Березине были окончательно добиты корпуса Великой армии. К Зембину Наполеон увел только 8 тыс. человек, основываясь, видимо, на неполных данных Ж. Шамбре. В целом автор приходит к выводу, что Березинская операция осуществилась [70 с. 3, 160, 166]. Здесь скорее нужно говорить о том, что Великая армия исчерпала силы после Березины, защищая переправу, но ни о каком осуществлении Березинской операции российской армией утверждать не приходится.

Таким образом, в белорусской историографии нет единого мнения об итогах и значении березинских событий. Упорное сопротивление Великой армии не воспринимается единогласно как победа, однако критическое отношение к действиям российской армии в историографии ставит под сомнение и то, что победу одержала именно она. Главной причиной неудачи российской армии нужно считать несогласованность действий между ее командующими. В белорусской историографии наблюдается завышение потерь Великой армии и занижение потерь российской армии, что является следствием частичного сохранения влияния советской историографии. В ряде работ по традиции существует заблуждение относительно национального состава Великой армии в событиях на Березине. Немалую часть войск составляли иностранные подразделения на французской службе. Некоторые эпизоды боевых действий на Березине не получили освещения по сравнению с

зарубежной историографией. Главной тенденцией развития белорусской историографии является то, что основным интерес исследователей сосредоточен на Великой армии. Нужно отметить, что наиболее детальными работами являются труды Лякина и Грачева. Данные из зарубежной историографии корректируют, дополняют сведения, которые приводят в своих работах белорусские исследователи. Российская и французская историография отличается глубокой проработкой всех вопросов по сравнению с белорусской историографией, и влияет на нее. Анализ интерпретации событий в работах белорусских историков постсоветского периода позволяет обосновать то, что она является основной формой сохранения исторической памяти, т.к. концентрирует научное знание по теме, оказывающее влияние на общество. Авторский взгляд на события, приведенный в данной главе, так же служит примером исследования событий и сохранения исторической памяти.

ГЛАВА 3 МЕХАНИЗМЫ И ФОРМЫ СОХРАНЕНИЯ И ПОПУЛЯРИЗАЦИИ ИСТОРИЧЕСКИХ ЗНАНИЙ О БЕРЕЗИНСКОЙ ПЕРЕПРАВЕ

3.1. Конструирование образа березинских событий в исторической памяти и эволюция концепции их увековечивания

Специфика формирования исторической памяти современного белорусского общества о Березинской переправе и сражений заключается в учете трех факторов. Во-первых, ключевым событием в исторической памяти белорусов выступает борьба и победа советского народа в Великой Отечественной войне, увековечивание которой стало частью государственной политики в сфере идеологии и культуры. Поэтому именно этот героический эпизод истории Беларуси правомерно стал «периодом-фаворитом» (Э. Зарубавелт) [72, с. 35]. Во-вторых, в настоящее время не существует коммуникативной памяти о Березинской переправе и сражений в отличие от Великой Отечественной войны, которая принадлежит трем поколениям, относящимся к эпохе любого рассматриваемого события. В-третьих, белорусы находились на этапе формирования нации, и не имели собственной государственности в тот период своей истории, к которому относится Березинская переправа и сражения, поэтому эти события лишь косвенно связаны с национально-государственным строительством на наших землях. Это событие символизировало окончательную потерю надежды на существование восстановленного в ходе войны Наполеоном ВКЛ, и укрепление российской власти в регионе, поэтому данный аспект может рассматриваться как элемент национальной травмы. В связи с этим данное событие не было зафиксировано (только в фольклоре) и осмыслено (например, в историографии, музейном деле) как значимое в данном ключе. Нужно отметить, что коллекция российского помещика И.Х. Колодеева, собранная им на рубеже XIX-XX вв. на белорусских землях и содержащая материалы по Березинской переправе, только частично стало достоянием нашей республики. В целом нужно отметить, что военная история Беларуси Нового времени находится на периферии внимания идеологии и культуры.

«Мемориальный бум» в Беларуси, в отличие от зарубежных стран, начался в начале 1990-х гг., когда страна получила независимость. Именно в этот период наблюдается возобновление интереса общественности к теме Березинской переправы и сражений. Личность Наполеона, пребывание его и Великой армии на территории Беларуси, тема наполеоновских сокровищ продолжает интересовать широкую общественность, т.к. еще в советское время

этой теме уделялось особое внимание в целях патриотического воспитания граждан. Более того, нужно отметить, что Война 1812 г. является важным элементом в исторических представлениях населения, основанные на романе Л.Н. Толстого «Война и мир» (и ее советская и зарубежные экранизации), а также кинокомедии Э. Рязанова «Гусарская баллада» (1962 г.). Факторами для роста интереса общественности к теме в 1990-е гг. стали также проведение памятных церемониальных мероприятий на местах событий, археологические находки в районе переправы местными жителями и в рамках археологических экспедиций, деятельность военно-исторических клубов. Археологические раскопки были важной предпосылкой для мотивации к новым исследованиям и установке памятников, международное признание ценности объекта. Целью археологических раскопок был поиск места братской могилы воинов Великой армии и определение местоположения мостов [25, с. 300, 331, 334]. Это стало причиной начала нового этапа в увековечивании событий на Березине, причем нужно отметить, что импульс к этому в т.ч. был дан извне – со стороны Франции. Дело в том, что в исторической памяти французов, а также, например, швейцарцев, голландцев и немцев, поляков Березина воспринимается не только как трагедия, но и символ самоотверженности, долга, чести и героизма [62, с. 219; 61, с. 103, 139-140, 150]. Солдаты и офицеры «Великой армии» в ноябре 1812 г. проявили мужество и отвагу при создании переправы через Березину и в боях при ней. Поэтому французов Березина стала национальным бедствием, «исторической травмой», обращение и преодоление которой придает обществу уверенность в будущем, подчеркивает следование традиционным ценностям, отдавая дань памяти трагическому прошлому. Под влиянием историографии и дискуссий в широкой общественности вырабатывается образ и концепция истории переправы, воспринятая в массовом сознании. Происходит формирование нового представления о событиях, отличное от советской традиции [30, с. 3]. В этом отношении показательно мнение авторов книги «Борисов и Друцк», изданной в 2002 г. Они утверждали, что «В общественном сознании европейских народов, в первую очередь белорусского, русского, польского и французского, до настоящего времени сохранился ряд идеологем, которые нередко мешают примирению народов, возведению общего европейского дома. Один из наиболее распространенных мифов заключается в том, что «на Березине русская армия под командованием М.И. Кутузова завершила разгром наполеоновских войск». Такое утверждение (особенно характерно для советской и российской историографии) содержится в тысячах учебников и книг, а также в тексте записи на мемориальной доске, которая размещена на памятнике в деревне Студенка. <...> ...противоречивые мнения остались нам в наследие от дореволюционных историков. Поэтому не удивительно, что споры об итогах

операции на Березине продолжают и сегодня. На наш взгляд, проблема оценки итогов Березинской операции и всей войны не только не потеряло своей остроты, но и в ближайшие годы станет еще более актуальной (приближается 200-летие операции и важнейших битв, которые произошли в ходе наполеоновских войн» [44, с. 131, 133]. Ключевое место в осмыслении событий на Березине в результате трансформации стала занимать Великая армия и увековечивание ее жертв. В этом проявляется такая характерная черта культуры памяти как избирательность. Перед общественностью встала проблема, на какой основе и в какой форме должна проходить мемориализация события. Нужно отметить, что эта проблема актуализируется каждый раз, когда приближается очередной юбилей переправы. Лукашевич справедливо отмечает, что с 1991 г. начался новый этап в увековечивании событий 1812 г. в Беларуси [41, с. 3]. В печати в рассматриваемый период обсуждались проблемы популяризации темы и привлечении внимания к историко-культурному объекту, подчеркивалась значимость и уникальность события, места в истории Беларуси и Европы, необходимость создания мемориального комплекса, достойной инфраструктуры [45, с. 172-173; 55, с. 54; 53, с. 43].

Результатом французо-белорусского сотрудничества в области изучения и увековечивания памяти Березинской переправы стало установление в 1996 г. т.н. «французского» памятника на Брилевском поле в честь погибших солдат «Великой армии» и дополнение его в 1997 г. мемориальной доской (скульптор И.Я. Миско). По предложению сотрудника Борисовского краеведческого музея Р. Раховича этот памятник был установлен на средства французского историка, директора Центра наполеоновских исследований (Париж), профессора Ф. Бокура (1921-2005) [41, с. 118-119; 25, с. 233]. Примечательно, что первоначальный текст надписи на памятнике, предложенный французской стороной и отличающийся особым пафосом, был, однако, заменен на нейтральный вариант [8; 41, с. 120, 276]. Груцо сообщает, что «много времени ушло на разъяснение через средства массовой информации, что памятник устанавливается не в честь захватнических планов Наполеона, принесших столько горя на землю Беларуси, а в память о солдатах Великой армии» [25, с. 233]. Этот же автор отмечал, что «Березина стала вторым местом после Бородинского поля, где установлен памятник в память событий 1812 года со стороны Франции» [25, с. 233]. Тем самым был заложен такой аспект концепции, которую условно можно назвать «Березина – символ трагедии», сформулированный Груцо следующим образом: «Пусть они [солдаты ВА. – Д.Р.] сражались и не за правое дело, но сумели продемонстрировать в сражении на Березине величие духа и примеры подлинного героизма в борьбе за свое спасение. Смерть этих солдат в сражении на Березине по прошествии двух столетий превратила их из захватчиков в

жертвы великой трагедии» [25, с. 233]. Большое значение имело и мнение французских историков и дипломатов касательно увековечивания березинских событий. Например, Посол Франции в Беларуси С. Шмелевский в 2004 г. указывал на то, что «Величие и трагизм событий, произошедших на Березине в 1812 г. заслуживают пристального осмысления и изучения» [25, с. 394]. В свою очередь, Д. Жанги, Временный Поверенный в делах Посольства Франции в Беларуси, в 2011 г. на церемониале на Брилевском поле в своем выступлении отмечал, что «переправа через Березину стала трагедией европейского масштаба, т.к. в обеих армиях сражались представители разных национальностей» [86, с. 5; 31].

Следующий элемент концепции увековечивания можно назвать «Березина – символ примирения». В целом категории миролюбивости, добрососедства являются ключевыми принципами содержания белорусской идентичности и идеологии, и отмеченный выше элемент концепции порожден именно этими принципами, а элемент, в свою очередь, их поддерживает [15, с. 143; 11, с. 12]. Березина постепенно стала восприниматься как символ дружбы и сотрудничества между народами-участниками рассматриваемых исторических событий. С. Шмелевский, упоминавшийся ранее, утверждал, что «эти события должны служить напоминанием бессмысленности и бесперспективности любых попыток решать спорные вопросы между европейскими государствами силовым путем» [25, с. 394]. В этом высказывании выражена идея пацифизма. В 2007-2009 гг. М. Мюссо, Чрезвычайный и Полномочный Посол Франции в Беларуси, отмечала, что «Нам хочется, чтобы Березина стала местом примирения, а европейский континент – территорией мира, свободы, безопасности и процветания всех народов», «Березина XIX в. – символ ужаса, отчаяния, в XXI в. – часть исторической общеевропейской памяти, символ дружбы народов» [34, с. 14; 49, с. 1; 50, с. 3]. В свою очередь, Председатель Миноблисполкома Б. Батура в 2012 г. отметил, что «Нам хочется верить, что отныне и навеки белорусская земля станет не гибельной переправой, а надежным мостом между нациями, идущими навстречу друг другу с миром. Беларусь для этого делает все возможное» [33, с. 5]. А.А. Постникова в связи с этим утверждает, что «... Березина для Беларуси не только «место памяти», но и символ причастности страны к большой европейской истории» [61, с. 219]. Одним из механизмов культуры памяти является сближение участвующих сторон путем актуализации общего прошлого. В результате французы и белорусы приходят к общему чувству ответственности и справедливости, что ведет к достижению консенсуса, «целительного трактования, понимания» (Н.А. Колодий) прошлого в условиях травмированного сознания и памяти с обеих сторон [36, с. 241; 82, с. 31, 32].

Здесь можно наблюдать влияние традиции примирения и покаяния как инструментов преодоления травмы Второй мировой войны.

Третий элемент концепции – «Березина – объект культурного наследия», заключается в том, что следует использовать в соответствии с постмодернистской парадигмой отношения к прошлому [84, с. 22; 30, с. 3]. С. Шмелевский в 2004 г. указывал на то, что «само место переправы необходимо обустраивать, чтобы превратить его в центр международного туризма. В связи с этим нужно проводить исследования района переправы, разработать концепцию и проект создания мемориального комплекса, а также проводить ежегодные фестивали с участием военно-исторических клубов европейских государств», в чем выражена идея использования культурного наследия [25, с. 394]. Груцо сформулировал необходимость создания такого комплекса и его значения: «События эпохи 1812 года на Березине по своему историческому, патриотическому и воспитательному значению заслуживают привлечения внимания со стороны не только знатоков и любителей наполеоновской эпохи, но и самых широких слоев общественности Беларуси, России, Франции, а также других европейских государств. Для того, чтобы туристы со всей Европы приезжали на Березину отдать дань памяти своим соотечественникам, погибшим на ее берегах, безусловно, требуется восстановить разрушенные колодеевские памятники, а также установить новые, в первую очередь, на месте братской могилы солдат наполеоновской армии и гражданского населения в Студенке. Все они должны быть связаны одной идеей – увековечиванием памяти о трагедии на Березине и ее жертвах. Для этого необходимо создать мемориальный комплекс с соответствующей инфраструктурой <...> архитектурное воплощение этого комплекса будет соответствовать величию и трагизму событий на Березине ноября 1812 года <...> Надо выявить их [погибших солдат. – Д.Р.] захоронения и установить там памятные знаки. Это дало бы возможность туристам из Европы приезжать на место переправы с конкретной и благородной целью – почтить память своих соотечественников. Проведенные исследования района переправы позволили установить точное местоположение наполеоновских мостов через Березину. Представляется важным реконструировать их, что, вкупе с уже имеющимися памятниками в Борисове, Студенке и Брилевском поле, позволит создать мемориальный комплекс, который, несомненно, привлечет внимание туристов и тем самым окупит затраченные на его создание средства» [25, с. 299, 440].

Ключевую роль в изучении и популяризации темы начала играть открытая в 2008 г. ГУК «Борисовская центральная районная библиотека им. И.Х. Колодеева». Библиотека получила имя известного борисовского помещика, одного из крупнейших в Европе коллекционеров предметов, связанных с эпохой наполеоновских войн. Примечательно, что учреждением

проводится разновидность мягкой реституции коллекции Колодеева, когда собрание пополняется изданиями, входившими в эту коллекцию, а также современными работами по наполеоновским войнам. С 2009 г. в библиотеке проходят научно-практические конференции под названием «Колодеевские чтения». Конференция становится местом встречи, представления результатов исследований и обсуждения актуальных проблем изучения военной истории и краеведческой работы. К началу конференции приурочено открытие выставок в библиотеке по теме [86, с. 5; 11, с. 12]. Нужно отметить, что библиотека проводит конференцию и для школьников, например, в 2012 г. под названием «Война 1812 года глазами нового поколения» [88, с. 4]. В результате своей деятельности библиотеку можно назвать «местом памяти», где сосредоточен и используется информационный массив о березинских событиях. Также среди школьников проводится районная олимпиада по истории Войны 1812 г., пользующаяся популярностью среди учреждений образования, в составлении заданий к которым наряду с учителями истории принимали участие и исследователи Войны 1812 г.

Актуализация темы приводит к конкретным результатам в увековечивании. Образ березинских событий активизируется в связи с наступлением и проведением торжеств по случаю юбилейных дат. Достижением в увековечивании следует считать мероприятия 200-летнего юбилея Войны 1812 г., широко отмечавшегося в 2012 г.: начало новых совместных белорусско-французских раскопок на месте переправы, открытие новой экспозиции в Борисовском объединенном музее, восстановление дома-усадьбы И.Х. Колодеева (1859-1914), крупнейшего коллекционера материалов по эпохе наполеоновских войн, [87, с. 9]. Результаты этих действий находят свое применение в сфере туризма, образования и культуры. Однако празднование 200-летнего юбилея вызвало неоднозначные оценки и полемику. Тарас утверждал, что не стоит почитать действия российской армии. В таких мнениях представлена оппозиция существующим официальным взглядам на Войну 1812 г., которая ведет к конфликтности в культуре памяти. В связи с этим нужно отметить конфликтную ситуацию, появившуюся во время проведения памятных мероприятий, посвященных 200-летию Войны 1812 г. в Беларуси, между представителями интеллигенции Беларуси и России относительно термина «Отечественная война 1812 г.» и его использования в Беларуси [31].

Крупнейшим событиям послеюбилейного времени стало подписание меморандума о вступлении Борисова в Европейскую федерацию городов истории Наполеона (программа «Дороги Наполеона» председателем Борисовского райисполкома В. Мирановичем и главой Федерации Ш. Наполеоном (потомком из династии французского императора). Учитывая рост

интереса к теме, данный меморандум будет способствовать расширению взаимодействия в научной, культурной сфере в области увековечивания событий, привлечения туристов. Отмечалось, что «в будущем в городе планируется объединить все объекты, связанные с теми событиями, в своеобразное 50-километровое кольцо» [60, с. 7; 92; 59, с. 4]. Интерес представляет то, что подписание данного соглашения стало предметом дискуссий. Критическое направление было представлено мнением о том, что Березина является гуманитарной трагедией, прославление которой имеет противоречивый характер, а внимание к Наполеону не соответствует патриотической позиции граждан Беларуси: «...опасно преклонение перед военным гением оккупантов разного рода. Наполеон – агрессор, насколько бы далеко ни была его эпоха» [28, с. 8]. Позитивный взгляд на международный культурный проект заключался в том, что он не является торжеством в память побед Наполеона, «... а совсем наоборот – словно бинты с незаживших ран французов срывает», т.к. Березина для французов «...обозначает катастрофу, небывалое бедствие». Более того, память французов подавалась как пример увековечивания прошлого и преодоления «горьких уроков». Обращаясь к таким темам как, Первая мировая война, авиаполк «Нормандия – Нёман», движение Сопротивления, подчеркивалось, что французы «...давно смыли вину перед белорусами, россиянами своей кровью. Да и добрые дела – сотрудничество в мирных сферах давно не оставило и тени вражды между нашими народами» [28, с. 8]. Интерес представляет то, что французы и их союзники не так резко воспринимаются в современном белорусском обществе как захватчики (в отличие от отношения к немцам в образе Великой Отечественной войны), а скорее представители одной из противоборствующих сторон, для которых территория Беларуси стала местом боевых действий для них. Это объясняется, давностью событий и близким знакомством и интересом к французской культуре. Примечательно, что армия Наполеона ассоциируется только с французами. С начала 2000-х гг. широко распространился интерес к теме участия групп населения белорусских земель в войне на стороне наполеоновской Франции, в частности, создание и деятельность воинских формирований воссозданного в 1812 г. ВКЛ [30, с. 3; 31].

Таким образом, в 1990-2000-е гг. складывается концепция увековечивания березинских событий. Она была разработана на основе новых знаний о переправе и сражениях, полученных в результате исследований. Нужно отметить активность французской стороны, заинтересованной в увековечивании событий как механизме преодоления этой исторической травмы. Были предприняты попытки переосмысления и осознания исторического значения места на новом уровне, подчеркивания необходимости его мемориализации и развитие туризма. Стремление к созданию

мемориального комплекса стало основной тенденцией в увековечивании памяти березинских событий.

3.2 Проблема мемориализации березинских событий в памятниках, музейных экспозициях и проект мемориального комплекса

По мнению российского исследователя А.В. Горбунова, поля сражений можно отнести к **культурным ландшафтам ассоциативного типа**, и данный подход позволит им стать объектами всемирного культурного наследия [22, с. 114; 39, с. 31-32]. В таких ландшафтах характер освоения имеет первичное значение в том, что место связано с историческими событиями, личностями, в данном случае им выступает сражения и переправа через Березину Великой армии. Причем культурная составляющая такого ландшафта представлена в ментальной форме, по ассоциации объекта с каким-либо феноменом культуры. Эти культурные ландшафты могут сохраняться, когда их особая ценность признается обществом. Первым проявлением такого признания является мемориализация полей сражения, т.е. установка памятников и памятных знаков, которые необходимы как «материальное, зримое, образное и информационное выражение зачастую невидимого отпечатка сражения в обычном ландшафте» [22, с. 114]. Лукашевич подчеркивает, что основными направлениями мемориализации полей сражений Войны 1812 г. в Беларуси стали расширение сохранившихся мемориалов и восстановление ранее разрушенных монументов [41, с. 3]. Отметим памятники и памятные места, имеющиеся в районе переправы в настоящее время:

1. Памятник фортификационного искусства тет-де-пон. В 2002 г. территория была благоустроена, однако имели место акты вандализма. На объекте проводились съемки документальных фильмов. В соответствии с постановлением № 578 Совета Министров Республики Беларусь от 14 мая 2007 г. «Остатки земляных фортификационных сооружений «Батарей» являются историко-культурной ценностью 2-й категории и внесены в Государственный список историко-культурных ценностей Республики Беларусь. Постановлением № 60 Министерства культуры Республики Беларусь от 14 сентября 2012 г. утвержден проект зон охраны историко-культурной ценности «Остатки земляных фортификационных сооружений «Батарей» в г. Борисове Минской области». Однако существует проблема застройки охранных зон [41, с. 44; 52, с. 2; 8]. Данный тет-де-пон – одно из традиционных мест проведения церемониальных мероприятий и реконструкции сражения 21 ноября 1812 г. Другое название, более распространенное и известное среди общественности – «Батарей».

2. Д. Студенка и Брилевское поле. Данные объекты по Постановлению № 578 Совета Министров Республики Беларусь от 14 мая 2007 г. являются памятными местами, связанными с событиями войны 1812 года, обладающие историко-культурной ценностью категории «З», внесенной в Государственный список историко-культурных ценностей Республики Беларусь. 15 июня 2012 г. Министерство культуры Республики Беларусь приняло постановление № 41 «Об утверждении проекта зон охраны историко-культурной ценности – «Памятное место, связанное с событиями Отечественной войны 1812 года, в д. Студенка Борисовского района Минской области» [8; 58].

3. Советский памятник-стелла 1962 г. на Брилевском поле.

4. В 1992 г. на Брилевском поле в 180-летний юбилей березинских событий был открыт восстановленный архитектором С.И. Самцевичем памятник-обелиск российским воинам 1913 г. (снесен в 1920 г., фрагмент был сохранен местным жителем И.Т. Дорофеевым) [41, с. 118].

5. Советский памятник 1962 г. на месте нижнего моста.

6. «Французский» памятник на Брилевском поле. История его установления рассматривалась выше.

7. «Братские могилы российских воинов». В народной памяти существует поверье, что земляные насыпи, расположенные в районе советского памятника 1962 г. в мемориальной роще, являются братскими могилами российских солдат Войны 1812 г. В ходе археологических раскопок 2001 г. установлено, что принятые за курганы с братскими захоронениями русских воинов являются обычными земляными насыпями, появившимися, видимо, за годы сельскохозяйственных работ [26, с. 181; 25, с. 336-337]. Несмотря на это, Лякин в своей работе 2009 г. пишет, что это братские могилы [43, с. 263].

8. В 1997 г. на средства сотрудников Института переподготовки и повышения квалификации МЧС по инициативе его директора подполковника Г.В. Новика в п. Светлая Роща установлена каплица, рядом с которой установлен камень с мемориальной доской [41, с. 120-121; 43, с. 270; 25, с. 266].

9. Как было отмечено, важным компонентом в развитии исторической памяти выступают археологические раскопки. Именно результаты раскопок стали причиной установки следующего памятного знака. В 2000 г. на месте переправы прошел международный историко-археологический волонтерский лагерь, организованный Институтом истории Национальной академии наук Беларуси с целью поиска братских могил. В следующем году он повторился под названием «Березина 2001». Раскопки, целью которых была локализация верхнего моста, собрали волонтеров из ряда стран. В рамках лагеря при содействии Института по переподготовке МЧС был установлен столб с

насечкой в виде буквы «N» на месте моста [25, с. 300, 338]. В 2002 г. на собранные средства сотрудников Института переподготовки и повышения квалификации МЧС в районе верхнего моста в Студенке открыт воссозданный памятник (в 1901 г. был установлен по инициативе и на средства И.Х. Колодеева по эскизу художника, корнета 50-го Иркутского драгунского полка Н.В. Зарецкого (1876-1959); снесен в 1962 г.) [41, с.118-119; 43, с. 284; 25, с. 366-367].

10. В 2002 г. недалеко от месторасположения нижнего моста был установлен памятник жертвам Великой армии, или т.н. «швейцарский» памятник работы белорусского скульптора А.Е. Артимова, средства на создание которого выделила Дирекция развития и сотрудничества Министерства иностранных дел Швейцарской Конфедерации [41, с. 121-122; 25, с. 343-344, 359, 366-367; 1, с. 7; 23, с. 6-7]. Идея художественного образа заключается в том, что зрителю представлена фигура обнаженного юноши-воина, не относящегося к конкретной национальности, тем самым подчеркивая память обо всех, кто составлял армию Наполеона и погиб при переправе и сражениях [30, с. 3; 8].

11. В 2005 г. в Вилейском районе 52-м отдельным специализированным поисковым батальоном были обнаружены останки 224 солдат ВА [41, с. 162; 25, с. 407]. В 2006 г. состоялось перезахоронение останков неизвестного солдата Великой армии из останков, обнаруженных в Вилейском районе, на Брилевском поле возле «французского» памятника [41, с. 162-163; 25, с. 411, 413]. В 2007 г. рядом с восстановленным памятником русским воинам произошло перезахоронение останков неизвестного российского солдата. В этот же день на кладбище д. Студенки были перезахоронены останки обнаруженных 223 солдат ВА. В 2008 г. там же были перезахоронены останки еще 108 человек и воздвигнут надгробный памятник с соответствующей надписью [21, с. 124; 41, с. 163-164; 31].

12. Памятный знак «Скорбь и поклонение» в виде колокольни из гранита, увенчанной иконой Спаса Нерукотворного. Знак выполнен борисовским скульптором Н. Капшаем и установлен на Брилевском поле в 2012 г. Председатель Борисовского райисполкома В. Миранович на торжественном открытии памятного знака отметил, что «...открывая знак «Скорбь и поклонение» мы отдаем дань памяти нашим предкам. Композиция посвящается памяти местных жителей и других гражданских лиц, которых судьба втянула в водоворот страшной войны, памяти солдат, которые мужественно сражались и погибли на этом поле» [14, с. 3].

Таким образом, в районе переправы находятся 12 памятных объектов, из них 3 памятника установлено в советское время, а остальные созданы в постсоветский период. Памятники не представляют единого комплекса, т.к. не

объединены концептуально, а представляют разрозненный набор мемориалов, поставленных в районе переправы. Однако нужно признать, что это создает информационную многогранность потенциала объекта и широту восприятия различными группами населения. Наблюдается увеличение количества памятников и памятных знаков, главной тенденцией в смысловой нагрузке которых присутствует идея увековечивания не только боевых действий и ее участников, а также всех пострадавших от них. Эти памятники, состояние которых не требует реставрации, и памятные места уже сами стали исторической ценностью, свидетельствующие об исторической памяти белорусского народа и других народов Европы, чьи предки принимали участие в данном событии.

Кроме памятников и памятных знаков, играющих важную роль в мемориализации темы, в Борисове и Борисовском районе она представлена и в музейных экспозициях. Появление музея на поле сражения – следующий этап в его мемориализации. Сразу же отметим, что такой музей в районе переправы и сражений в настоящее время отсутствует. Прежде всего, рассмотрим музейные объекты, в которых раскрывается тема Березинской переправы, классифицировав их в зависимости от формы собственности: государственные учреждения и частные объекты. В Борисове расположен Борисовский объединенный музей, в котором 2 зала посвящены теме Березинской переправы. Смысловой доминантой экспозиции является фоторепродукция известной панорамы польских художников В. Коссака (1856-1942) и Ю. Фалата (1853-1929) «Березина». Сама панорама размером 120x15 м была написана в 1896 г. и позднее разрезана на фрагменты, которые в настоящее время хранятся в различных польских музеях. Наиболее ценным предметом фондового собрания музея является навершие в виде орла со знамени наполеоновской армии, найденное местным жителем Н.А. Наумовцем в 1963 г. в районе д. Лошница и переданное в музей (в экспозиции представлена копия навершия [25, с. 105]. Проведенная в 2012 г. реэкспозиция в основном выразилась в обновлении художественного решения залов [87, с. 9]. Некоторые музейные предметы, размещенные в экспозиции не относятся к периоду Войны 1812 г., а к более поздним, как например, ряд предметов униформы. В рамках деятельности музея организуются выставки (открыток, находок после археологических экспедиций в районе переправы), проводятся экскурсии, конкурсы знатоков истории Войны 1812 г. [79, с. 16]. Однако, активная выставочная деятельность ограничена отсутствием выставочных залов в музее.

Второе по значимости собрание, посвященное Войне 1812 г., находится в Краеведческом Центре, открытом в 2017 г. в библиотеке им. Колодеева. На базе Центра действует зал, где расположена «Мемориально-выставочная экспозиция И.Х. Колодеева и истории Войны 1812 г.». В экспозиции

представлены предметы, обнаруженные в районе переправы и переданные в Краеведческий Центр, книги по эпохе Наполеоновских войн на разных языках, копии униформы и вооружения Российской императорской армии, живописные работы, копии фотографий и памятных нагрудных знаков, связанных с военно-историческим движением в Борисове, а также материалы, посвященные деятельности Колодеева. На базе зала проходят экскурсии, лекции и тематические встречи. При библиотеке действует художественная галерея «З’ява», которая становится местом выставок местных художников по березинской теме, например, в 2012 г. в галерее прошел выставочный проект «Река памяти. 1812 – 2012» [88, с. 4]. Среди художников, презентующих свои работы на выставках, нужно отметить А.С. Мирзояна (г. Борисов) и В. Сайко (г. Минск). В их работах воплощены с помощью художественных выразительных средств представления авторов о переправе и переживания, размышления авторов о ее значении как исторического события. Художественные произведения данных авторов не только выставляются в галереях, но и преподносятся в дар в собрания библиотек и музеев.

Тема Березинской переправы раскрыта в экспозиции дома-усадьбы И.Х. Колодеева в Борисове, восстановленной на средства борисовского предпринимателя В. Слесарева и открытой в 2012 г. Экспозиция по Войне 1812 г. занимает 2 зала, где представлены копии портретов высших офицеров Великой армии и российской армии, копии униформы и вооружения противостоящих сторон [12, с. 2]. Однако ведущими экспонатами являются копии гравюр из коллекции Колодеева, предоставленные Государственным историческим музеем в Москве, в котором хранятся их оригиналы. Это являет собой пример, как и в случае с библиотекой им. Колодеева, реализации мягкой реституции коллекции известного помещика. В состав собрания входит также библиотека по истории наполеоновских войн. В доме-усадьбе, являющейся частным музеем, часто проходят выставки (например, живописных работ и военно-исторической миниатюры) и другие общественно-культурные мероприятия, связанные с темой Войны 1812 г. Объектом частной собственности является и клуб-усадьба «Бивак», расположенный недалеко от д. Дымки Борисовского района. В одном из залов находится экспозиция находок, связанных с Березинской переправой, копий униформы обеих армий, портреты военачальников и картосхемы, проводятся экскурсии, в т.ч. выездные на места сражений в районе Березины. Клуб-усадьба выступает в качестве финансового спонсора при проведении конференций и издании научно-популярной литературы по Воёне 1812 г. [13, с. 3].

Нужно отметить, что выставок, так или иначе связанных с березинской темой, в крупнейших государственных музеях страны (Национальном

историческом музее и Национальном художественном музее Республики Беларусь) в рассматриваемый период не проходило.

Очевидно, что существующие экспозиции и выставочная деятельность кратко и/или фрагментарно представляют березинские события, что недостаточно для освещения их истории. В виду повышенного интереса к событию, его месту, учитывая относительную сохранность исторического ландшафта, наличие ряда установленных памятников и памятных знаков, которые сами представляют ценность с точки зрения исторической памяти, ключевой задачей мемориализации Березинской переправы на современном этапе следует считать создание музея, посвященного этому событию. Музей, как это предлагает и Лукашевич, необходимо создать в районе переправы, например, в Студенке, или в Борисове, что находится в стадии обсуждения в местных органах власти и Министерстве культуры [30, с. 3]. Во-первых, акцент нужно сделать не только на экспозиции в специальном здании (об этом речь пойдет ниже), но и использовать потенциал самого исторического ландшафта, опираясь на т.н. «дух места» для показа экскурсантам, или попытаться воссоздать его в музее. Во-вторых, появившийся музей может стать организацией, деятельность которой благоприятно скажется на социально-экономическом развитии всего региона.

Экспозиция такого музея должна размещаться в специально построенном здании, и содержать, например, 5 тематических залов, посвященных событиям и личностям на Березине и хронологически их показывающие, под следующими названиями:

Зал № 1 «На пути к Березине: отступление Великой армии на территории Беларуси». В этом зале будет представлена оперативная обстановка, сложившаяся в ноябре 1812 г. на территории Беларуси. Посетитель сможет ознакомиться с численностью войск на театре боевых действий, историческими личностями и планами сторон предстоящего столкновения на Березине, а также бедственным положением Великой армии и местного населения, находящегося в условиях войны. Объектами показа станут следующие музейные предметы: карты, документы, живопись (портретная и батальная), а также научно-вспомогательные материалы (таблицы, графики).

Зал № 2 «Поиск места для переправы и строительство мостов через Березину 25-26 ноября». Данный зал будет посвящен дезинформации противника, обнаружению после потери борисовского моста брода у д. Студенка бригадой генерала Корбино, ее разбору саперами для строительства мостов и созданию понтонерами переправы через Березину, пожертвовавших собой ради спасения армии. Отдельное внимание будет уделено эпизодом с дивизией генерала Партуно. Объекты показа – документы, живопись

(портретная и батальная), оружие, научно-вспомогательный материал (макеты мостов).

Зал № 3 «Сражения на обоих берегах 28 ноября». Акцентирование внимания на героизме Великой армии и Российской императорской армии, столкнувшихся в главных сражениях операции на правом и левых берегах Березины в районе Стаховского леса и Студенки соответственно. Объекты показа – оружие, униформа, знамена, карты, портреты, живопись.

Зал № 4 «Трагедия на переправе 29 ноября». Ключевым местом в пространстве экспозиции, доминантой экскурсионного пути по ней станет именно этот зал, в котором будет размещена панорама с рельефно-предметной зоной или интерактивная инсталляция моста, о чем будет сказано ниже.

5. «Научные исследования и увековечивание памяти Березинской переправы». Здесь будут отмечены наиболее значимые исследователи Березинской переправы и их научные труды по данной тематике, в т.ч. отечественные, найдут свое отражение результаты проведения археологических раскопок, конференций, военно-исторических фестивалей, а также особое внимание будет уделено истории установки памятников в районе переправы. Объекты показа – книги, фотографии, документы.

При разработке концептуальной и художественной составляющей центральной части экспозиции (зал № 4), ее показа зрителю, представляется эффективным два пути. Аттрактивным приемом в построении экспозиции музея следует считать представление панорамы березинской переправы. Она будет создавать эффект первичного состояния военно-исторического ландшафта, фокусирующее внимание на живописное полотно (для этого предлагается использовать копию панорамы «Березина» работы Коссака и Фалата), и расположенную перед ней зону с рельефно-предметной средой, создающей эффект аутентичности и «живого присутствия» прошлого. В пределах этой зоны будут расположены музейные предметы и их копии (повозки, зарядные ящики, оружие, артиллерийские орудия и их обломки, элементы униформы и снаряжения), манекены людей (вооруженных, безоружных, раненых, женщин, детей) и лошадей. В результате будет представлена сцена отчаянной попытки переправы военных и гражданских лиц Великой армии утром 29 ноября 1812 г., когда мосты по приказу Наполеона были подожжены, что спровоцировало панику, усиленную приближением к мостам российских войск. Посетитель такой экспозиции становится как бы свидетелем происходящего, а круговой показ панорамы превращает его в участника, который помещен в центр событий. Эффект погружения в эпоху будет достигнут и с помощью аудиосредств с записью выстрелов и полета ядер, взрывов гранат, ветра, топота копыт и ржания лошадей, треска огня.

аналогичный прием успешно использован в музее-панораме «Бородинская битва» в Москве.

Другой путь при разработке экспозиции может быть использован в случае невозможности воплощения идеи моста через Березину как объекта воссозданного объекта ландшафта в реальных условиях, на месте события. Стремление к эффекту погруженности, как и в первом варианте, предложенном нами выше, можно осуществить следующим образом. Главный экспозиционный зал делится на три части, представляющих а) левый берег, б) реку, через которую наведен мост (инсталляция-реконструкция), и в) правый берег. Экскурсантам предстоит перейти с экскурсоводом воссозданное пространство, максимально напоминающее своими характеристиками место переправы. В таком случае 2-й и 4-й тематические разделы в экспозиции будут объединены. Это позволит на примере моста, по которому перемещаются экскурсанты, рассказать, из чего, как и кем он строился, в т.ч. ремонтировался из-за поломок, что можно показать в экспозиционном пространстве с помощью группы манекенов, изображающих понтонеров. При сохранении всех приемов рельефно-предметной среды, размещенных в первом варианте подобной экспозиции, к аудиоэффектам можно добавить записи стука топоров, всплески воды, бесед на языках народов, входивших в подразделения армии Наполеона и принимавших участие в строительстве мостов. По нашему мнению, это в наибольшей степени обладает аттрактивностью и погружению в эпоху, наглядностью и интерактивностью, чем прием панорамы, для демонстрации которой можно выделить отдельный зал, следующий за залом с мостом. Более того, сама идея пути (движения) по мосту позволяет экскурсантам как бы самим «преодолеть» Березину и «переправиться» на противоположный берег, что увеличивает «аутентичность показа» и уровень переживаемых эмоций, понимания того, что предстояло сделать участникам переправы. В результате материал раскрывается с помощью подхода военно-исторической антропологии – внимания к армейской повседневности, быту и психологии человека в условиях боевых действий.

Фондовое собрание музея должно включать следующие коллекции: оружие, униформа, книги, знамена, документы, живопись, карты. В фонде научно-вспомогательных материалов должны быть таблицы с численностью войск, потерь, картосхемы оперативных обстановок, макеты мостов и др.

Фондовое собрание можно формировать следующими путями (одновременно):

1. Закупка в антикварных салонах, у коллекционеров.
2. Передача предметов на депозитное хранение из НИМ и НХМ, военно-исторических музеев Волковыска и Кобрин.
3. Акция по сбору предметов среди местного населения.

Культурно-образовательная деятельность музея должна включать в себя разработку и внедрение путеводителя по памятным местам в районе переправы, экскурсионные программы для посетителей разного возраста по экспозиции, тематические лекции по военной истории, изобразительному искусству, археологические лаборатории, организацию и проведение памятных концертов, встреч с участниками военно-исторического движения, художниками, коллекционерами. Места, связанные с событиями переправы и сражений, входят в маршруты туристических фирм, и целесообразно создать в рамках музейного комплекса инфраструктуру для приема и обслуживания гостей. Наличие автостоянок, гостиницы, сувенирных магазинов, кафе в необходимом объеме будет способствовать эффективному посещению памятного места, музея и привлечет дополнительные потоки туристов со всей Европы. Важно, чтобы объекты туристического обслуживания находились на периферии мемориального комплекса, чтобы они не нарушали исторический ландшафт, его целостность и ассоциативность.

Идеи и проекты мемориального комплекса, появившиеся на рубеже 1990-2000-х гг. по ряду причин были не реализованы. По мнению Вилейко, название «Березина» превратилось в символическое понятие международного значения, однако уровень мемориализации места незначительный, кроме того положение усугубляет земли в районе переправы вовлечены в сельскохозяйственный оборот. Вилейко, вслед за Горбуновым, считает, что потенциал поля сражения на Березине как объекта историко-культурного наследия не использован [21, с. 124]. Лукашевич предлагает создать в районе переправы военно-исторический музей-заповедник, по примеру Бородинского, и утверждает, что «именно такой статус белорусской земли в районе Брили – Студенка, где проходили кровопролитные сражения в 1812 г., позволит сохранить целостность исторического ландшафта и уберечь его от варварского уничтожения» [41, с. 122, 211]. Лякин отмечал, что в такой мемориальный комплекс вошли бы как уже имеющиеся, так и планирующиеся к возведению памятники. Это храм-ротонда в память погибших воинов, памятник И.Х. Колодееву в Борисове, памятный знак на месте французского бивака в п. Светлая Роща, скульптурная композиция на холме у д. Студенка, панорама сражения на месте переправы [43, с. 284]. Вилейко, совершенствуя подход к мемориализации березинских событий, считал, что любое поле сражения должно стать достопримечательным местом, предназначенным для осмотра посетителем, и в связи с Березиной отмечал, что «необходима серьезная мемориализация этого поля сражения и как минимум создание мемориального комплекса, а еще лучше военно-исторического музея-заповедника. Это позволило бы объединить в единый туристический маршрут уже имеющиеся памятники с сооружениями, памятниками и памятными

знаками, которые необходимо установить в местах, имеющих непосредственное отношение к сражению. Например, «памятный знак на месте французского бивуака на повороте с автодороги Борисов-Ошмяны к поселку Светлая роща, скульптурную композицию на холме перед д. Студенка на месте захоронения более 8 тыс. жертв трагических событий, реконструированные мосты через Березину построенные саперами генерала Эбле, панораму сражения на месте переправы. Кроме того в комплекс целесообразно включить предмостные укрепления в г. Борисове. Одновременно с сооружением мемориальных объектов можно предусмотреть возможность участия военно-исторических клубов в реконструкции событий того периода» [21, с. 124-125].

По нашему мнению, главной проблемой мемориализации Березинской переправы в настоящее время является отсутствие программы управления объектами наследия в данном районе и концепции развития музеефикации памятных мест. Между тем, способы использования объектов наследия свидетельствует о состоянии культуры памяти в конкретном регионе [82, с. 38]. Как уже отмечалось, установка памятников способствует превращению поля сражения в достопримечательное место, предназначенное для осмотра посетителями. Для исторической памяти населения значение имеют не только установленные памятники, являющиеся символическими объектами, поставленные государством, но и связь, которую сама общественность ощущает между событием и местом [22, с. 114]. В связи с этим при анализе состояния и тенденций культуры и политики памяти интерес представляет то, как государство и общество охраняет и использует объекты наследия, связанные с Березинской переправой и сражениями. Исследователь Вилейко, считает, что Брилевское поле и Студенку можно рассматривать в качестве культурных ландшафтов ассоциативного типа [21, с. 123; 20, с. 93]. Начало признания особой ценности места переправы относится к 1960-м гг. (установка памятников на Брилевском поле и в Студенке) и сформулировано в работе Мазинга и Ерусалимчик, презентующего взгляд советской общественности. Объекты наследия в районе переправы могут образовать т.н. мемориально-музейный ландшафт. Воспользуемся подходом Горбунова при классификации объектов наследия и отметим следующие объекты, связанные с событиями Березинской переправы, доступные для осмотра:

1. Памятники-свидетельства (подтверждают факт сражения на данной местности).

А) Культурный слой на местах сражений и переправы 21-29 ноября 1812 г.

Б) Укрепления. В данном случае таким объектом выступает тет-де-пон в Борисове.

Выделение этих мест в особую группу связано и с тем, что территория, где они расположены, представляет культурный слой с археологическими памятниками, свидетельствующий о событиях (переправа и сражения) происходивших здесь, а также фортификационное сооружение, построенное и использованное в березинских событиях, и поэтому являющиеся ключевыми объектами наследия, образующие военно-исторический ландшафт. По мнению Горбунова, «вопрос с такой группой памятников-свидетельств как захоронения жертв березинских событий остается открытым для археологических исследований».

2. Памятные места – основа создаваемого мемориально-музейного ландшафта, т.к. это сохранившиеся элементы первичного исторического ландшафта

А) Поля. Здесь нужно отметить Брилевское поле, с которым по традиции связывают березинские события 26-29 ноября.

Б) Леса. «Стаховский лес» (лесной массив на участке между д. Брили и Большое Стахово) является местом сражения 26 и 28 ноября на правом берегу Березины.

В) Реки и ручьи с оврагами. Первостепенное значение имеет сама река Березина, через которую совершалась переправа, а также «Кровавый ручей» - участок сражения 28 ноября на левом берегу Березины.

Г) Исторические населенные пункты. К ним нужно отнести д. Студенка, Брили, д. Лошница и Староборисов как мест боев 23 ноября и пленения дивизии Партуно соответственно. Исчезнувшим поселением, связанным непосредственно с главными событиями Березинской переправы, нужно назвать хутор Занивки рядом со Стаховским лесом, в котором располагалась ставка Наполеона.

За исключением «Кровавого ручья», мест боя 23 ноября и пленения дивизии Партуно, объекты узнаваемы за счет памятников и памятных знаков, и только Студенка и Брилевское поле, тет-де-пон внесены в Список историко-культурных ценностей. Предметом охраны памятных мест, по мнению Горбунова, нужно считать и воссозданные объекты культурного наследия (например, мост), а также обзорные точки и видовые (визуальные) коридоры, с которых раскрываются панорамы. С точки зрения ассоциативности значение имеет отсутствие на памятных местах дисгармонирующих современных объектов (в пределах района переправы в настоящее время они отсутствуют) и целостность их визуального восприятия с обзорных точек [22, с. 118; 39, с. 37].

3. Памятные знаки. В это понятие входят памятники всех видов, перечисленные нами выше, и хотя их ценность значительно уступает объектам наследия, они являются важными, т.к. «выявляют значение самих памятников-свидетельств, указывают на них, тем самым определяют условия их

сохранения». Представляется, что в районе места Березинской переправы поставлено достаточное количество памятников, раскрывающих под разным углом зрения это событие. Однако, как уже отмечалось, эти памятники не создают целостный ансамбль, в т.ч. территориально. Правомерным следует считать установку только тех памятников, которые будут связаны с возможными перезахоронениями обнаруженных останков или увековечиванием памяти об участии отдельных воинских формирований. Причем, если для их установки будет использовано по традиции Брилевское поле, то нужно чтобы они размещались все в отведенном для этого участке поля, а не были хаотично разбросаны по нему или же были бы привязаны к их диспозиции во время сражений.

Мемориальный комплекс может содержать восстановленный через Березину мост (пешеходный), выступающий в роли копии первичного военно-исторического ландшафта (памятников-свидетельств), и оформление которого визуально сходно с одним из тех мостов, который был построен ВА для переправы. Этот участок территории будет музеефицирован и, соответственно, станет частью музея. В результате воссозданный объект станет предметом музейного показа и важным компонентом культурного ландшафта. Если установка такого моста не может осуществляться именно на том месте, где они находились, то необходимо выбрать другое подходящее место в районе, где происходила переправа. Этот мост, создающий целостность первоначального военно-исторического ландшафта, будет главным воссозданным объектом. Более того, этот объект может служить памятным знаком – символом героизма людей, принимавших участие в строительстве мостов для переправы и символом трагедии и памяти тех, кто погиб в бою или холода, изнеможения, не переправившись на правый берег. В случае технической трудности строительства и использования такого моста, эту идею можно использовать в экспозиции, о чем речь шла выше.

Таким образом, мемориальный комплекс концептуально будет представлять собой мемориально-музейный ландшафт с важной ролью самих памятных мест, предназначенных для посещения. Ключевым воссозданным объектом наследия должен быть мост, имеющий все основания стать композиционным центром мемориального комплекса, «фигурой памяти» (Я. Ассман), а ведущая роль в знакомстве с событием должна принадлежать не памятникам, а музею, который будет включать как музеефицированные территории в районе д. Брили (Брилевское поле) и Студенка, так и полноценную экспозицию с панорамой и залом с мостом (интерактивной инсталляцией). Музей сможет стать местом повышенного интереса и благодаря устройству достойной инфраструктуры. Предложенная концепция мемориального комплекса позволит преодолеть недостаток такой практики как

«мертвая музеефикация и заповедование» (П.М. Шульгин), более того, комплекс как учреждение культуры благоприятно повлияет на социально-экономическое развитие региона, и культурно-образовательная и туристическая деятельность может стать ведущей отраслью хозяйства в этой местности [91, с. 128, 132]. В настоящее время данное место памяти не имеет программы развития. Более того, слабо прослеживается ассоциативный образ сражений и переправы, в частности, не выявлены и, соответственно, не используются обзорные точки, а также отсутствуют воссозданные объекты первичного военно-исторического ландшафта, например, мост через Березину. Сложность для восприятия памятного места составляет и то, что отсутствуют информационные стенды с картохемами переправы и сражения, указателями расположения войск и т.п. До реализации музейного проекта необходимо издать каталог и путеводитель, содержащие сведения об объектах наследия, находящихся в районе переправы, и благоустроить территорию.

3.3 Военно-историческая реконструкция сражений и переправы в рамках традиции Международного Дня памяти «Березина»

В современной мозаике культурных событий, посвященных актуализации ключевых моментов военной истории Беларуси, особое место занимает Международный День памяти «Березина». Эта традиция включает ряд мероприятий, проводимых в Борисове и Борисовском районе, которые приурочены к годовщинам переправы «Великой армии» Наполеона через Березину и сражений с российскими войсками, проходившие 21-29 ноября 1812 г. [65, с. 310].

Прежде чем рассматривать историю собственно Международного Дня памяти «Березина» (далее Дня памяти), нужно отметить, что истоки рассматриваемой нами традиции Дня памяти можно выявить в связи с развитием в СССР военно-исторического движения по эпохе наполеоновских войн (1805-1815), оформившегося в 1980-е гг. независимо от аналогичного широкого движения в странах Западной Европы и США (в т.ч. и по другим эпохам и событиям военной истории), где оно зародилось также примерно в 1970-е гг. Ключевой фигурой, одним из руководителей движения по эпохе наполеоновских войн в СССР и России, а также частично и в странах СНГ стал кандидат исторических наук, доцент исторического факультета Санкт-Петербургского государственного университета О.В. Соколов, награжденный орденом Почетного легиона за выдающиеся заслуги в исследовании и популяризации военной истории Франции. Целью данного движения, получившего название «военно-исторической реконструкции» (означающее и

метод исследования), является воспроизведение элементов или комплекса военного костюма, снаряжения и вооружения конкретной армии, подразделения определенного исторического периода, страны, а также воссоздание быта, традиций и сражений, и применение этого в ситуации приближенной к военной тактической игре [35]. Другими словами история изучается путем эксперимента по воссозданию предметов, т.е. изготовлению точных копий, и при участии людей, образующих экспериментальную обстановку, например, сражение, полевой лагерь, поход. Традиция воссоздания битв относится еще к практике проведения таких мероприятий на аренах в эпоху Древнего Рима. Люди разных возрастов и профессий в наше время объединяются в военно-исторические клубы, и в качестве его названия, как правило, используют наименование воссоздаваемого подразделения [2, с. 146; 75, с. 4-5; 74, с. 577-578; 81]. Отметим, что дополнительный импульс этому движению дало использование потенциала метода реконструкции в экспериментальной археологии, а также сильное влияние элементов родственной т.н. «живой истории» и в некоторой степени развития популярного движения ролевых игр. В 1988 г. Федерация военно-исторических клубов при ЦК ВЛКСМ провела поход по памятным местам Отечественной войны 1812 г, что сразу привлекло внимание общественности. Участники военно-исторических объединений в рамках похода посетили Брилевское поле и Батареи, где в небольшом формате были устроены показательные выступления собравшихся клубов, прошел церемониал [20, с. 94]. После распада Советского Союза постепенно началось формирование новой исторической памяти, в т.ч. и благодаря военно-историческому движению. В 1992 г. в связи с установлением копии утраченного памятника на Брилевском поле также при участии реконструкторов были проведены церемониалы, которые повторялись и в последующие годы на памятных местах.

В Республике Беларусь установление традиции организации именно Дня памяти относится к 1997-1999 гг., когда при поддержке местных властных структур силами именно белорусских энтузиастов, любителей эпохи Наполеоновских войн из клуба военно-исторической реконструкции «Минский пехотный полк» (в дальнейшем получившем регистрацию общественного объединения), изготовивших копии обмундирования этого подразделения российской пехоты образца 1812 г., были воссозданы в небольшом масштабе некоторые эпизоды сражений на Березине. В эти же годы закрепляется название данного мероприятия – Международный День памяти «Березина». К данной инициативе присоединились вскоре и другие подобные объединения. На рубеже 1990-2000-х гг. идея отмечать годовщину получает развитие, приобретает более широкий размах и достигает высокой точки к 2002 г. – предстоящему 190-летию юбилею переправы и 900-летию Борисова. День

памяти предполагается проводить ежегодно с участием военно-исторических клубов из разных стран, наблюдается повышение заинтересованности белорусской общественности и властей, посольств, активной деятельности и рост количества клубов, численности в них участников, ставшее факторами для развития в стране движения исторической реконструкции и создававшие условия для развития идеи фестиваля. В 2002 г. День памяти и военно-исторический фестиваль как его неотъемлемый атрибут собрал на Брилевском поле и «Батарях» около 300-400 участников и примерно 7 тыс. зрителей, и стал особенностью культурной жизни Борисовщины, традиционным торжественным событием [1, с. 7; 23, с. 8].

Программа Дня памяти, проводимого, как правило, в течение двух дней в последние выходные ноября, состоит из следующих основных пунктов:

1. Церемониал в д. Студенка и на Брилевском поле в форме митинга-реквиема и возложения венков, с караулом из представителей военно-исторических клубов. В ряде случаев церемониал включал в себя, сопровождался открытием ряда памятников, перезахоронением найденных в ходе археологических раскопок останков воинов и гражданских лиц обеих армий, молебном в честь погибших [50, с. 4; 41, с. 162-164; 25, с. 407-409, 411, 416-417; 48, с. 7; 33, с. 5]. В храмах проводится богослужение в память о трагедии [33, с. 5].

2. Международная научно-практическая конференция «Колодеевские чтения», организуемая Борисовской центральной районной библиотекой имени И.Х. Колодеева совместно с Центром наполеоновских исследований (Париж) [86, с.5; 11, с. 12].

3. Кульминация Дня памяти – историческая реконструкция эпизодов Березинской переправы и сражений на Брилевском поле в рамках проведения международного военно-исторического фестиваля «Березина», цель которого – патриотическое воспитание молодежи и привлечение туристов, а также поддержка деятельности военно-исторических клубов. Несомненно, именно этот пункт программы обладает наибольшей аттрактивностью, степенью известности. Для широкой общественности обращение к теме Березинской переправы во многом связано с проведением, посещением фестиваля. В некоторых случаях в рамках фестиваля проводился парад военно-исторических клубов по центральным улицам Борисова, а также реконструкция боя на тет-де-поне [1, с. 7; 11, с. 12; 33, с. 5]. Нужно отметить, что к торжествам часто приурочены выставки-ярмарки народных ремесел, экскурсии, концерты, лекции, презентации книг, а также еще один вид мероприятий, предпринимаемый в рамках движения исторической реконструкции – танцевальные вечера, а также показательные выступления с интерактивной программой, организуемые студиями исторического танца при участии

представителей военно-исторических клубов и проводимые в доме-усадьбе И.Х. Колодеева или в городском Доме культуры [88, с. 4].

Организаторами Дня памяти выступают местные органы власти, которые выполняют функцию административной поддержки: создают организационный комитет и общественный совет, занимающиеся решением информационных, административно-хозяйственных вопросов, консультационной работой, выделяют средства для реализации и инициатив военно-исторических клубов и ассоциаций, других организаций, обращающихся также за поддержкой и к различным фондам и объединениям [57]. При этом нужно отметить организующую роль Общероссийского военно-исторического общественного движения (глава – О.В. Соколов), Международной военно-исторической ассоциации (глава – А.М. Валькович), ОО «Военно-исторический клуб «Минский пехотный полк» (при активном участии председателя Совета клуба О.В. Шпилёва и историка И.А. Груцо, входивших в оргкомитет), деятельности начальника Института переподготовки и повышения квалификации МЧС подполковника Г.В. Новика, а с 2016 г. – МОО «Интеллект. Информация. Прогресс» [25, с. 266-267]. Важную роль также в этом играют посольства иностранных государств, аккредитованных в Республике Беларусь, а также Министерство обороны, Белорусская Православная Церковь, содействующие в подготовке и участвующие в мероприятиях Дня памяти. Участниками являются десятки клубов военно-исторической реконструкции из Беларуси, России, Украины, Польши, Латвии, Литвы, Франции, Швейцарии и др. [7, с. 3; 34, с. 14; 49, с. 1]. Республику Беларусь на Международном Дне памяти «Березина» представляют ряд клубов, активно участвующих как в местных военно-исторических фестивалях, так и в аналогичных мероприятиях за границей.

Центрами военно-исторического движения по эпохе наполеоновских войн в Беларуси, объединяющего в своих рядах около 150 человек в 19 действующих клубах, являются города Минск и Борисов, где созданы, находятся и функционируют подавляющее количество клубов по данной эпохе. Клубы стремятся взять то подразделение для реконструкции (и его наименование), деятельность которого связана с участием в боевых действиях на территории Беларуси во время Войны 1812 г. Особенность движения в настоящее время состоит в том, что наблюдается увеличение количества клубов, так и участников в них, реконструирующих не Российской императорскую армию, а подразделения «Великой армии». Высокий рост их количества относится ко времени 200-летнего юбилея, причем большая часть участников этих клубов – молодежь [Приложение Б]. Главной проблемой являлось то, что примерно до 2007 г. существовала относительная малочисленность белорусских реконструкторов по «Великой армии», что

влекло за собой большую необходимость в приглашении на мероприятия неместных клубов по этой армии. Однако этот вопрос был решен за счет появления ряда клубов, занимающихся воссозданием воинских формирований ВКЛ на французской службе. Разумеется, приглашение других клубов по Великой армии продолжается, более того, в Беларуси созданы и действуют местные клубы по «Великой армии», реконструирующие именно французские подразделения [64, с. 6].

Примечательно, что с 2005 г. средняя численность участников военно-исторического фестиваля остается примерно одинаковой и составляет около 450-500 человек (в т.ч. 50-100 кавалеристов), несмотря на ежегодные заявления о планировании увеличения количества, что, видимо, объясняется ограничениями, предъявляемыми городскими властями и спонсорами касательно финансирования. Дело в том, что в смете расходов на организацию и проведение фестиваля большую часть затрат составляют выплата компенсации за транспортную доставку иностранным участникам, аренда лошадей, пиротехника. Например, на проведение фестиваля, в т.ч. реконструкцию сражения на Брилевском поле в 2002 г. было выделено около 57 тыс. долларов, из которой половину предоставила Дирекция по развитию сотрудничества при Министерстве иностранных дел Швейцарской Конфедерации, а остальную часть из местного бюджета, при поддержке Министерства по чрезвычайным ситуациям [1, с 7; 25, с. 343-344, 358-361, 366-367; 23, с. 6-7]. В 2007 г. пункты расходов составили в сумме около 132 тыс. долларов, в 2012 г. – примерно 71 тыс. долларов. Также причиной относительной малочисленности участников (при сравнении с аналогичными фестивалями, посвященными годовщинам битв при Аустерлице, Бородино, Ватерлоо, собирающим несколько тысяч участников) можно считать и недостаточный объем информационной работы по рекламе программы и приглашениям, своевременному оповещению потенциальных заинтересованных участников о готовности, условиях и дате проведения. Эта проблема частично существует и в отношении потенциальной публики посетителей фестиваля.

Важным аспектом фестиваля является степень соответствия реконструкции костюма участников и проведения сражения исторической действительности. В первую очередь это уровень воссоздания (копирования) обмундирования и вооружения реконструируемых армий. Как правило, это результаты индивидуальной и/или коллективной работы по изучению комплекса исторических источников и историографии по военному костюму, его пошиву, изготовлению, предпринимаемых в клубах. Для участия в фестивале «Березина» исторически достоверным и целесообразным является использование зимнего комплекта униформы (предпочтительнее походный

вариант). Оснащенность униформой, амуницией и муляжами вооружения зависит от индивидуальной подготовки участника и/или помощи со стороны клуба (других клубов). В целом, каждый участник стремится максимально приблизить свой внешний вид к известному по историческим источникам, установленному в историографии образцу для каждого рода войск и конкретного подразделения, обмундирование которого он воссоздает, т.е. воспроизвести его с наибольшей точностью по материалу и технологии изготовления, силуэту [2, с. 146; 64, с. 6]. Для подтверждения степени соответствия воссозданного костюма и амуниции иногда проводилась инспекция (по родам войск) собравшихся на фестиваль клубов.

К ряду реконструкций сражений историками И.А. Груцо и В.В. Кищенко были написаны детальные сценарии для проведения реконструкции, основанные на изучении состава сторон, их действий, хода сражения на Березине. Чаще всего представляемый зрителю на Брилевском поле эпизод одной из битв при переправе – крупное сражение на правом берегу между частями «Великой армии» под командованием французских маршалов Удино и Нея и российскими войсками во главе с генералами Чаплицем и Сабанеевым из 3-ей армии адмирала Чичагова, произошедшее 28 ноября 1812 г. южнее д. Брили на участке дороги Борисов-Зембин. Однако, это сражение сочетается по сценарию с действиями обеих сторон, проходивших 26 ноября. Примечательно, что авторы стремились, чтобы в инсценировке сражения были продемонстрированы самые важные, интересные моменты воссоздаваемых событий: после переправы наполеоновских войск, занявших позицию (у края поля, возле мемориальной рощи), начинается перестрелка между легкой пехотой с обеих сторон и артиллерийская канонада, российские войска атакуют (из леса напротив), и после нескольких отбитых противником атак отступают, однако заново переходят в наступление, которое останавливает стремительная атака кавалерии «Великой армии, т.е. имеется в виду воссоздание знаменитой успешной атаки кавалерии под командованием генерала Думерка, разгромившей каре русской пехоты и взявшей большое количество пленных. Эти и другие моменты в реконструкции сражения чередуются, повторяются, дополняясь атаками российской кавалерии, маневрированием подразделений, перемещениями и огнем батарей. Для всего этого из прибывших на фестиваль клубов, представляющих различные рода войск и подразделения, формируются сводные (если необходимо) «батальоны», «эскадроны» и «батареи» которые размещаются и действуют на поле в соответствии с тактическими принципами, канонами эпохи, и при воссоздании сражения ориентируются на сценарий, который доводится руководителям (командирам) клубов (подразделений). Нарушением исторической действительности следует считать участие тех клубов, которые представляют

воинские подразделения, в ноябре 1812 г. не принимавшие участие в сражениях на Березине, так как уже/еще не существовали, или находились на других театрах боевых действий. Разумеется, что каждому участнику, начиная от низких должностей («званий», «ролей») и заканчивая самыми высокими, требуется обладать определенными историческими знаниями, умениями, опытом, необходимыми для эффективного участия в реконструкции сражения. Главными требованиями к участникам подобных мероприятий является соблюдение дисциплины, техники безопасности всеми клубами, представляющие все рода войск [34, с. 14]. Слаженность, оперативность действий отрабатывается на клубных занятиях, совместных маневрах и на репетиции, где разбираются строевые команды и приемы с муляжами оружия, ключевые моменты планируемой реконструкции сражения [64, с. 6]. К базовым методическим приемам, применяющимся в реконструкциях сражений данной эпохи, нужно отнести следующие: показательный штыковой бой с элементами рукопашной и фехтование, действие в сомкнутых боевых порядках, перестроения пехоты, например, из боевой линии в каре для отражения атаки кавалерии, защита или захват батареи, передислокация орудий, действия легкой пехоты в рассыпном строю, в цепи.

Особое внимание привлекает принципиальный момент в решении вопроса определения победившей стороны. Организаторы пришли к следующему ответу: в данной реконструкции сражения ни одна сторона не должна одержать победу, и «бой» заканчивается «в ничью» [34, с. 14]. В этом простом, с первого взгляда, решении заложен гуманистический подход к осмыслению события, который является идейной основой самого Дня памяти, и обязательно манифестируется во время проведения всех пунктов Дня памяти. Важно отметить, что примерно с 2007 г. в рамках Дня памяти все больше внимания уделяется такому вопросу как участие представителей различных сословий белорусских земель в Войне 1812 г. на стороне России и Франции, что рассказывается организаторами и ведущими на самом фестивале, публикуется в печати и Интернете. Этот аспект национальной истории проявляется непосредственно в участии ряда белорусских клубов, занимающихся реконструкцией воинских формирований воссозданного Наполеоном ВКЛ [25, с. 413-414].

Исследователь Е. Соколова предлагает три подхода к созданию аутентичности при реконструкции сражения. Первый (конструктивистский) состоит в том, что все усилия организаторов и реконструкторов должны быть направлены на то, чтобы предугадать желания туристов (зрителей) и создать эффект зрелищности, чтобы удовлетворить ожидания туриста. Крайностью в этом подходе нужно считать то, что в таком случае может искажаться историческая достоверность, что приведет к потере ценности самой идеи

реконструкции [76, с. 161, 162]. Отметим, что относительно реконструкции сражения на Березине, стремящейся к зрелищности, в целом потери аутентичности не происходит. Однако, такие моменты, как нахождение фотографов с соответствующей техникой на поле во время проведения реконструкции сражения, современная музыка и усилители звука на фестивале «для антуража», может мешать задуманному, желаемому погружению в эпоху. Суть второго подхода (постмодерный) заключается в создании битвы на наиболее реалистической основе, при которой «у зрителя должна пропасть грань между копией и оригиналом», т.к. реконструкция является подделкой, симуляцией. Пространство, люди, эффекты, задействованные при этом, «создадут картину сражения и захватят туриста эмоционально, то на какое-то время он действительно потеряет ощущение, что видит всего лишь постановку, заранее запланированную» [76, с. 164]. В случае с реконструкцией на Березине этот эффект достигается в полной мере, как у зрителей, так и у самих участников. По их словам, реконструкция воспринимается как «погружение в прошлое», «вживание в образ», «ощущения духа эпохи». Годовщина события дает возможность в рамках фестиваля «разыграть сражение с максимальным историческим подобием», зрителям – «получить представление про все рода войск того времени», и сама реконструкция сражения является «постановочной битвой», «инсценировкой», позволяющей «увидеть, как это было», а также «живым музеем», «уроком истории под открытым небом» [34, с. 14; 25, с. 364, 367; 64, с. 6]. Третий подход (экзистенциальный) делает акцент на участии самого туриста в реконструкции сражения, т.е. он становится полноправным ее участником, и реализует себя в определенной роли [76, с. 164]. Подобное на реконструкции сражения при Березине происходит очень редко, в частности, для фотографов или корреспондентов. В качестве итога нужно сказать, что так или иначе и участники, и зрители стремятся создать и получить эффект аутентичности, в целях приближения к прошлому, ощущения связи с ним, устраивая нередко те условия, которые повлияют на зрелищность и усилят эмоциональность восприятия для достижения реалистичности. Однако Е. Соколова справедливо отмечает, что «в реконструкции могут быть действительно оригинальным только место, где состоялась битва, и восстановление оригинального ведения боя и переправы» [76, с. 165].

Рассмотрим такой важный вопрос как условия проведения для участников и зрителей. Размещение и питание участников происходит в договариваемых для этого школах, летних лагерях, санаториях города и района (после реконструкции сражения на импровизированном биваке возле поля устраивается обед при помощи армейской полевой кухни), доставка на поле и в места размещения происходит централизованно, и в общем не находит каких-то недовольств. А что касается зрителей, то существует ряд проблем. Прибытие

широких кругов гостей, зрителей своим транспортом ограничено кордоном на дороге Борисов-Зембин. Зрителям, решившим самостоятельно приехать на фестиваль, приходится оставлять свой транспорт, иногда за несколько километров до места проведения и пешком, часто с детьми, добираться до поля, при отсутствии зоны парковки в районе мемориального места. Однако организаторы предоставляют возможность доехать на общественном городском транспорте, централизованно отправляющегося из города с разных точек, выполняющего несколько остановок по пути следования туда-обратно. Но, во-первых, существует проблема информационного осведомления, во-вторых, после самой реконструкции сражения транспортировка большого числа зрителей затруднена и растянута по времени, доставляя дискомфорт уставшим и замерзшим гостям [7, с. 3; 23, с. 8-9]. Из-за проблемы проведения Дня памяти именно в холодную пору года С. Шмелевский, Чрезвычайный и Полномочный Посол Франции в Республике Беларусь, в целях увеличения посещения фестиваля участниками и зрителями в 2004 г. предлагал переносить дату торжеств на летнее время. Однако это мнение не нашло поддержки, видимо, потому что существовала другая точка зрения: проведение фестиваля в холодное время отвечает исторической действительности и придает большую долю правдоподобия и зрелищности. Вопрос с питанием также требует, на наш взгляд, проработки, т.к. несмотря на наличие продуктовых палаток и мест для принятия пищи (их недостаточно), объемов реализуемой продукции не хватает для большого числа собравшейся публики разных возрастов [1, с. 7]. Создание мемориального комплекса с полноценной инфраструктурой позволило бы решить часть этих проблем. Определенные неудобства создает также и отсутствие трибун для зрителей, для лучшей видимости и понимания происходящего на поле, особенно действий, реконструируемых вдали, и вообще желательно установить экран(ы) с видео-трансляцией реконструкции сражения. В связи с этим нужно упомянуть и комментарии, которые сообщаются зрителям и должны быть хорошо им слышны. Вступительное слово, комментарии не должны быть перегружены датами, сложными терминами, а должны быть доступны всем категориям зрителей. Целесообразным является кратко рассказать в общих чертах о причинах и характере наполеоновских войн, упомянуть основные события Войны 1812 г., от предыстории Березинской переправы и сражений перейти к национальному и численному составу действующих армий и назвать выдающихся исторических личностей, принимавших участие в событиях, привести примеры из художественной литературы и кинематографа, затрагивающих данную тему. В ходе самой реконструкции сражения следует объяснить названия и внешний вид, вооружение реконструированных подразделений обеих армий, их отличительные черты, дать справку о воинских традициях, базовых

тактических сведениях по действиям, демонстрирующимся на поле, раскрыть сущность основных эпизодов воссоздаваемых явлений, события, определить их роль и место в истории, различных подходов к изучению и освещению, исторической памяти народов. Обычно по завершению реконструкции сражения проходит представление и парад клубов перед зрителями, а также выделяется время для их общения с участниками фестиваля, фотографирования.

Значение Дня памяти заключается в том, что он является ярким маркером исторической памяти европейских народов на современном этапе, выполняет мемориальную функцию в общественно-культурной жизни общества. Кроме функции социальной памяти, заключающейся в сохранении местности в районе переправы и памятников как объектов наследия, объект используется и как культурный, экономический ресурс. Вилейко предлагает рассматривать развитие военно-исторической реконструкции по эпохе наполеоновских войн одним из важнейших факторов формирования туристической привлекательности Беларуси, исходя из европейского опыта [20, с. 93]. В свою очередь Балябин утверждает, что в настоящее время пользуется популярностью т.н. форт-туризм, т.е. поездки на места известных сражений прошлого [6, с. 2].

Таким образом, при рассмотрении истории и проблем организации и проведения Дня памяти условно можно выделить два этапа, основываясь на анализе формата, идейной составляющей мероприятия. Первый приходится на 1988-2002 гг., когда закладывались основы, прорабатывались базовые необходимые условия, пункты программы для позиционирования традиционного крупного культурного события, привлечения внимания к нему, активизацией научных исследований по теме. Второй этап связан с ростом финансирования, расширением его каналов, заинтересованности и статуса, известности, начавшийся с 2002-2005 гг. Отметим, что широкая информационная работа по результатам исторических исследований и подготовки мероприятия, совершенствование условий посещения мероприятий зрителями являются стержневыми вопросами для успешного проведения. Новые подходы в выражении идеи Дня памяти должны содержать в себе обращение к необходимости сохранения общечеловеческих ценностей, подчеркивания уважительного отношения к историко-культурному наследию, его значению, исторической памяти. Решению проблем дальнейшего организации и проведения Дня памяти способствуют такие факторы как энтузиазм любителей военной истории и достижения исследований по рассматриваемому событию, административная поддержка.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Характерной чертой историографии и исторической памяти современного белорусского общества о Березинской переправе является критико-аналитическое направление в дискурсе о нем как одной из форм культуры памяти, активизировавшемся на рубеже 1990-2000-х гг. Именно Березина среди всех событий Войны 1812 г. на территории Беларуси получила широкую мемориализацию, что является свидетельством того значения, которое ему придает общественность и власть, а также уровня культуры памяти о прошлом. В рассматриваемый период уровень объективности и объема исторических знаний о переправе и сражениях благодаря белорусской и зарубежной историографии значительно вырос. Главными их результатами стало уточнение потерь, понесенных с обеих сторон, справедливое замечание о том, что переправу защищали не только французы, но и представители других национальностей, подразделения которых входили в состав Великой армии Наполеона, а также критическое отношение к действиям российской армии в событиях на Березине. Характерной чертой в исследованиях по березинским событиям стало внимание к действиям Великой армии. Достижения зарубежной историографии значительно корректируют, дополняют сведения, представляемые белорусскими исследователями, немалая часть из которых не является профессиональными историками, однако занимающих ведущую роль в популяризации истории. Вместе с этим сохраняется и влияние советской историографии в интерпретации рассматриваемых событий. Историография является ключевым механизмом пополнения содержания исторической памяти и его трансляции. Результаты исследований находят свое применение в области туризма, культурно-образовательной деятельности музеев, библиотек и школ, разработки археологических экспедиций.

В 1990-2000-х гг. советский взгляд на Березинскую переправу был переосмыслен: в исторической памяти был разработан новый образ березинских событий и сформулирована концепция их увековечивания, включающая три элемента. Во-первых, Березина была признана трагедией европейского масштаба, требующая изучения и мемориализации ее жертв. Во-вторых, Березина рассматривается как символ примирения между народами-участниками событий, являющимися потомками тех, кто принимал участие в них. В результате почитание прошлого становится инструментом для воспитания чувства уважения к другим культурам, ответственности за использование прошлого в современности, что способствует повышению престижа Беларуси в рамках международного сотрудничества. Такой объект наследия как район переправы и сражений стал фактором сближения между Беларусью и Францией. Для белорусского народа Березина не имеет четкого

статуса национальной травмы, в отличие, например, от французов и швейцарцев. Однако, березинские события в связи с тем, что в них принимали участие представители белорусских земель, находящиеся на службе у Наполеона, признаются потерей надежды на существование независимого государства, и поэтому содержат потенциальный конфликт взглядов. Более того, проблемным вопросом является надписи на памятниках, установленных в советское время в районе переправы, содержание которых не соответствует исторической действительности. В-третьих, существенной частью концепции увековечивания является идея использования культурного наследия. Березинская переправа как историческое событие и памятное место европейского масштаба имеет высокую культурную и экономическую ценность. Создание мемориального комплекса, посвященного березинским событиям – актуальный вопрос перед широкой общественностью и властью. Переправа и битвы при Березине по исторической значимости стоят в одном ряду с такими выдающимися событиями наполеоновской эпохи как Аустерлиц, Бородино, Ватерлоо, и места, где происходили события ноября 1812 г. с каждым годом становятся объектом все большего внимания. Разработка концептуального подхода к созданию полноценного мемориального комплекса с музеем, основанном на принципах военно-исторической антропологии, и развитой инфраструктурой в районе переправы или в Борисове будет способствовать повышению интереса со стороны туристов. Это раскроет потенциал историко-культурного объекта, установит его рациональное использование и сохранение (управление им). Представляется, что это достопримечательное место может быть включено в Список объектов Всемирного наследия ЮНЕСКО как культурный ландшафт ассоциативного типа.

Политика памяти о Березине в Беларуси включает деятельность таких институтов памяти как библиотеки, музеи, учебные заведения. Вторым важным инструментом политики памяти являются коммеморации. Официальная мемориальная политика трагических событий на Березине включает в себя организацию и проведение коммемораций силами властных структур, а также поддержку тех коммемораций, инициаторами которых выступает общественность, стремящаяся увековечить события прошлого. Реальная потребность в увековечивании со стороны общественности в начале 1990-х гг. была выше, чем деятельность институционализированных форм мемориализации со стороны государства, и при участии французской стороны, активизации общественности государство начало широко включаться в процесс мемориализации. Культура памяти современного белорусского общества о сражениях и переправе через Березину включает в себя целый ряд мемориальных практик, таких как установка памятников и памятных знаков,

создание и функционирование музейных экспозиций и выставок, организация и проведение научных конференций, церемониалов в форме митинга-реквиема, фестивалей военно-исторической реконструкции.

Международный День памяти «Березина» можно считать ключевой формой культуры памяти о Войне 1812 г. в Беларуси, местом и временем ее презентации и «переживания». То, что в Беларуси это событие Войны 1812 г. увековечивается, и этот День отмечается, является важным свидетельством активной политики памяти государства и элементом исторической культуры общества, ее интереса к прошлому. Организация и проведение Дня памяти, участие в нем, выступают в качестве формы, при помощи которой общество осуществляет свое понимание прошлого, «взаимодействует» с ним, и в целом является средством популяризации истории.

Обращаясь к событиям прошлого, происходивших на территории Беларуси, белорусское общество идентифицирует себя в пространстве европейской культуры. Большой импульс Дню памяти придает приуроченный к нему военно-исторический фестиваль, зрелищность которого зависит от количества и состава участников, динамичности и разнообразия действий на поле. Его важность состоит и в том, что это не только место встреч, диалога о прошлом и наследии, но и в осмыслении войны как социального катаклизма и попытка через игру, инсценировку, отдавая дань памяти, восстановить, «пережить» трагические, героические события. Максимально погружаясь в особое пространство, создаваемое с помощью исторической реконструкции, участники «увлекают» за собой и зрителей, которые становятся свидетелями живой иллюстрации прошлого, стремятся «прочувствовать» его. Фестиваль также может рассматриваться как своего рода зеркало развития военно-исторического движения в Беларуси по эпохе наполеоновских войн. Березина стала «местом памяти», в котором кристаллизуется и сохраняется историческая память: посещение Брилевское поля с целью отдать дань памяти погибшим с обеих сторон в ноябре стало полноценной мемориальной традицией. Воссоздание переправы и сражений в рамках исторической реконструкции является стремлением общественности сохранить образ того «как это было» и не допустить повторения военных действий в современности. Более того, это является своеобразным ритуалом, который способствует сплочению, солидарности, ориентации общественности в прошлом за счет «воссоздания» его в настоящем.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Автушко, Е. «Березина-2002»: не обошлось без дегтя / Е. Автушко // Курьер из Борисова. – 2002. – 20 нояб. – С. 7.
2. Алехин, П.Г. Парадная форма пешего гренадера французской Старой гвардии, 1812 г. // Алехин П.Г. Наполеоновские войны. Униформа европейских армий / П.Г. Алехин. – Москва: Яуза, Эксмо, 2007. – С. 146-157.
3. Антонаў, В.В. Барысаўская бітва 1812 / В.В. Антонаў // Энцыклапедыя гісторыі Беларусі / Беларуская энцыклапедыя. – Мінск: БелЭн, 1993-2003. – Т. 1 / Рэдкал.: Г.П. Пашкоў (гал. рэд.) і інш. – 2003. – С. 319.
4. Антонаў, В.В. Бярэзінская аперацыя 1812 / В.В. Антонаў // Энцыклапедыя гісторыі Беларусі / Беларуская энцыклапедыя. – Мінск: БелЭн, 1993-2003. – Т. 2 / Рэдкал.: Г.П. Пашкоў (гал. рэд.) і інш. – 2003. – С. 172-174.
5. Ассман, Я. Культурная память: Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности / Я. Ассман; Пер. с нем. М.М. Сокольской. – Москва: Языки славянской культуры, 2004. – 368 с.
6. Балябин, А.А. Борисов, Березина... Последняя надежда Наполеона / А.А. Балябин. – Минск: «Издательство «Четыре четверти», 2012. – 36 с.: ил.
7. Балябин, А. День памяти «Березина-2004» / А. Балябин // Курьер из Борисова. – 2004. – 24 нояб. – С. 3.
8. Балябин, А.А. 1812 год. Обелиски память хранят / А.А. Балябин // Адзінства [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://edinstvo.by/ru/peschinki-vremeni/item/326-1812-god-obeliski-pamyat-khranyat>. - Дата доступа: 25.12.2018.
9. Бегунова, Е.А. К определению понятия культурной памяти в зарубежной гуманитаристике // Вестник Кемеровского государственного университета культуры и искусств. – 2017. – №39 – С. 53-60.
10. Булыгина, Т.А. Модели исторической памяти в воспоминаниях о войне / Т.А. Бегунова // История и историческая память. – 2010. - №3. – С. 5-19.
11. Бярэзіна, А. Бярэзіна як сімвал супрацоўніцтва / А. Бярэзіна // ЛіМ. – 2012. – 10 снеж. – С. 12.
12. Валерьева, Е. В Борисове открыт восстановленный дом Колодеева / Е. Валерьева // Адзінства. – 2012. – 28 нояб. – С. 2.
13. Валерьева, Е. Две книги о Наполеоне // Е. Валерьева // Адзінства. – 2012 г. – 24 окт. – С. 3.
14. Валерьева, Е. К годовщине переправы – новый памятный знак / Е. Валерьева // Адзінства. – 2012. – 28 нояб. – С. 3.
15. Васильев, А.Г. Воплощенная память: коммеморативный ритуал в социологии Э. Дюркгейма / А.Г. Васильев // Социологическое обозрение. – 2014. – Т. 13, №2. – С. 141-166.

16. Васильев, А.Г. Memory studies: единство парадигмы – многообразие объектов / А.Г. Васильев // Новое литературное обозрение. – 2012. – №5. – С. 461-480.
17. Васильев, А.Г. Vita Memoriae, casus Poloniae / А.Г. Васильев // Культурологический журнал. – 2012. – № 3– С. 3-8.
18. Васильев, И.Н. Березинская операция 1812 г.: в 2 т. / И.Н. Васильев. М.: ООО “Книга”, 2012. – Т. 1. – 160 с.
19. Васильев, И.Н. Березинская операция 1812 г.: в 2 т. / И.Н. Васильев. М.: ООО “Книга”, 2012. – Т. 2. – 145 с.
20. Вилейко, С.Л. Движение военно-исторической реконструкции эпохи наполеоновских войн как фактор повышения туристической привлекательности Беларуси / С.Л. Вилейко // Устойчивое развитие экономики: состояние, проблемы, перспективы: сб. тр. VI Междунар. науч.–практ. конф., УО «Полес. гос. ун-т» г. Пинск, 26–27 апреля 2012 г.: в 2 ч. / Национальный банк Республики Беларусь [и др.]; редкол.: К.К. Шебеко [и др.]. – Пинск: ПолесГУ, 2012. – Ч.2 – С. 92-94
21. Вилейко, С.Л. Мемориализация полей сражений войны 1812 года как фактор развития военно-патриотического туризма / С.Л. Вилейко // Устойчивое развитие экономики: состояние, проблемы, перспективы: мат. V Междунар. науч.-практ. конф. – Пинск: ПолесГУ, 2011. – С.122-125.
22. Горбунов, А.В. Сохранение и развитие полей сражений наполеоновских войн как объектов всемирного культурного наследия / А.В. Горбунов // Бородино и наполеоновские войны: Битвы, поля сражений, мемориалы: мат. XI Междунар. научн. конф., посвящен. 190-летию Бородинского сраж., Бородино, 9-11 сентября 2002 г. – М., 2003. – С. 113-126.
23. Граковіч, Е. Дзень памяці на берагах Бярэзіны / Е. Граковіч // Гоман Барысаўшчыны. – 2002. – 22 нояб. – С. 6-9.
24. Грачев, Н.Н. Живая память поля брани: иллюстрированная хроника баталии на Березине 1812 года / Н.Н. Грачев. – Минск: Белорусский Дом печати, 2013. – 320 с.
25. Груцо, И.А. Сокровища Наполеона: история, версии, поиски, картография / И.А. Груцо. – Минск: ТетраСистемс, 2010. – 496 с.
26. Груцо, И.А. Увековечивание жертв березинской переправы (история археологической фальсификации) / И.А. Груцо // Французска-русская вайна 1812 года: еўрапейскія дыскурсы і беларускі погляд: мат. Міжнар. навук. канф., Мінск, 29–30 ліст. 2002 г. – Мінск, 2003.– С. 179-181.
27. Гун, Г.Е. Процессы мемориализации в современной культуре // Г.Е. Гун // Вестник культуры и искусств. – 2018. – № 2 (54). – С. 40-52.
28. Дементовский, А., Рудь Р. Территория истории / А. Дементовский, Р. Рудь // Беларусь сегодня. – 2014. – 26 апр. – С. 8.

29. Дзевяць стагодзяў Барысава / Ж.В. Гілевіч, Г.В. Штыхаў, В.Л. Насевіч, Л.Ф. Белая. – Мн.: БЕЛТА, 2002. – 224 с.
30. Дзядзюля, А. След далекай вайны. Ці дакладна ён акрэслены ў нашай памяці і на нашай зямлі? / А. Дзядзюля // Звязда. – 2012. – 22 жніўн. – С. 3.
31. Еленский, О. Треуголка Наполеона утонула в Березине / О. Еленский // Независимое военное обозрение [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://nvo.ng.ru/history/2012-12-14/4_napoleon.html. - Дата доступа: 12.04.2018.
32. Жуков, Д.С. Коллективная память: ключевые исследовательские проблемы и интерпретации феномена / Д.С. Жуков // Ineternum. – 2013. – №1. – С. 6-16.
33. Ивуть, А. Река памяти – Березина / А. Ивуть // Адзінства. – 2012. – 28 нояб. – С. 2-5.
34. Ішчанка, С. «Бітва» на Бярэзіне, у якой перамагло сяброўства / С. Ішчанка // Культура. – 2007. – 1-7 снеж. – С. 14.
35. Кодекс групп военно-исторической реконструкции // Клуб исторической реконструкции «Литовский уланский полк» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://litulan.org/nasha-biblioteka/stati/kodeks-grupp-voenno-istoricheskoi-rekonstruktsii>. - Дата доступа 25.10.2018.
36. Колодий, Н.А. Лабиринт памяти – места памяти – война памяти: опыт истолкования / Н.А. Колодий // Вест. науки Сибири. Сер. Общественные науки. – 2013. – №1 (7). – С. 240-245.
37. Колодий, Н.А. Режим культурной памяти // Н.А. Колодий // Ценности и смыслы. – 2014. – С. 38-46.
38. Корнейчик, Е.И. Белорусский народ в Отечественной войне 1812 года / Е.И. Корнейчик. – Минск: Госиздат БССР, Ред. соц.-экон. лит., 1962. – 115 с.
39. Кулешова, М.Е. Формы охраны природно-культурного наследия и категория культурного ландшафта / М.Е. Кулешова // Горизонты гуманитарного знания. – 2017. – №4. – С. 31-43.
40. Лукашэвіч, А.М. Беларусь напярэдадні і ў час вайны 1812 г.: вучэб.-метадыч. комплекс для студэнтаў гіст. фак. / А.М. Лукашэвіч. – Мн.: БДУ, 2004. – 290 с.
41. Лукашевич, А.М. Памятники и памятные места 1812 года в Беларуси / А.М. Лукашевич. – Мн.: Харвест, 2012. – 288 с.
42. Лукашэвіч, А. Студзёнка / А. Лукашэвіч // Энцыклапедыя гісторыі Беларусі / Беларуская энцыклапедыя. – Мінск: БелЭн, 1993-2003. – Т. 6, кн. 1 / Рэдкал.: Г.П. Пашкоў (гал. рэд.) і інш. – 2003. – С. 434-436.
43. Лякин, В.А. Белорусские поля сражений 1812 года: воен.-ист. хроника / В.А. Лякин. – Мозырь: Колор, 2009. – 306 с.

44. Лобач, М.Р., Лянькевіч, Р.Ч., Паўлюкевіч, С.С. Вайна 1812 года і яе наступствы // Друцк і Барысаў: Да юбілеяў старажытных гарадоў / Уклад. Р.Ч. Лянькевіч, І.А. Хаўратовіч; Рэдкал.: А.С. Аканіч і інш. – Мінск: Беларусь, 2002. – С. 131-142.
45. Лобач, Н., Лянькевич, Г. Пригласите французов на Березину! / Г. Лянькевич, Н. Лобач // Беларуская думка. – 1999. – №5. – С. 171-174.
46. Мазинг, Г.Ю., Ерусалимчик, Л.Ф. Березина, год 1812-й / Г.Ю. Мазинг, Л.Ф. Ерусалимчик. – Мн.: Полымя, 1991. – 127 с.
47. Макаревич, Н. Последний приют у Студенки / Н. Макаревич // Бел. воен. газета. – 2008. – 11 нояб. – С. 4.
48. Макаревич, Н. Холодная осень 1812-го... В Борисове и его окрестностях прошел День памяти, посвященный 194-й годовщине исторической Березинской переправы / Н. Макаревич // Бел. воен. газета. – 2006. – 25 нояб. – С. 7.
49. Макаревич, Н. Холодная осень 1812-го... Под Борисовом прошел День памяти, посвященный 195-летию Березинской переправы / Н. Макаревич // Бел. воен. газета. – 2007. – 27 нояб. – С.1.
50. Макаревич, Н. Эхо далекого прошлого / Н. Макаревич // Белорусская военная газета. – 2008. – 25 нояб. – С. 3.
51. Малинова, О.Ю. Коммеморация исторических событий как инструмент символической политики: возможности сравнительного анализа / О.Ю. Малинова // Полития. – 2017. – №4. – С. 6-22.
52. Мацельскі, М. У Барысаве здымаўся дакументальны фільм / М. Мацельскі // Гоман Барысаўшчыны. – 2010. – 2 снеж. – С. 2.
53. Мирзоян, С. Вокруг Наполеона и Жозефины / С. Мирзоян // Адзінства. – 1992. – 23 мая. – С. 43.
54. Несцярчук, Л.М. Беларусь у вайне 1812 года. Паміж Напалеонам і Аляксандрам / Л.М. Несцярчук. – Брэст: ТАА “Паліграфіка”, 2012. – 320 с.
55. Николайченко, А. Брилевское поле превратим в историко-культурный центр / А. Николайченко // Борисов. новости. – 2003. – 18 дек. – С. 5.
56. Нора, П. Всемирное торжество памяти / П. Нора // Неприкосновенный запас. – 2005. – №2-3. – С. 202-208.
57. О создании организационного комитета и общественного совета для подготовки и проведения памятных мероприятий по случаю 200-летия войны 1812 года: решение Борисов. исполн. ком., 14.11.2011 г., № 1417.
58. Об утверждении проекта зон охраны историко-культурной ценности – «Памятное место, связанное с событиями Отечественной войны 1812 года, в д. Студенка Борисовского района Минской области»: постановление Министерства культуры Респ. Беларусь, 15.06.2012, №41 // Законодательство

Республики Беларусь [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://pravo.newsby.org/belarus/postanov2/pst116.htm>. - Дата доступа: 11.11.2018.

59. Пасияк, О. По следам Бонапарта / О. Пасияк // Беларусь сегодня. – 2014. – 22 апр. – С. 4.

60. Пепеляев, В. Борисов с французскими кружевами / В. Пепеляев // Народ. Газета. – 2014. – 27 мая. – С. 7.

61. Постникова, А.А. Великая армия Наполеона на Березине: событие – память / А.А. Постникова. – СПб: Гуманитарная академия, 2014. – 239 с.

62. Постникова, А.А. Прецеденты наполеоновской эпохи в коммуникативной памяти современной Франции: от «Аустерлица» до «бистро» / А.А. Постникова // Политическая лингвистика. – 2014. – №3. – С. 216-223.

63. Радченко, Д.А. Право на память и право на забвение: практические следствия memory studies / Д.А. Радченко // Шаги. – № 2. – С. 340-345.

64. Раков, А. Я – униформист / А. Раков // Наш каледж. – 2018. – 5 дек. – С. 6.

65. Раков, Д.К. Международный День памяти «Березина»: история, проблемы и перспективы проведения // История и историография: объективная реальность и научная интерпретация: сб. науч. ст. по материалам междунар. науч. конф., посвящ. 140-летию со дня рождения акад. В. И. Пичеты / редкол.: А. Д. Король (гл. ред.) [и др.]. – Минск: БГУ, 2018. – С. 310-316. // Электронная библиотека БГУ [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://elib.bsu.by/handle/123456789/214995>. - Дата доступа: 15.04.2019.

66. Репина Л.П. Историческая память и современная историография / Л.П. Репина // Новая и Новейшая история. – 2004. – №5. – С. 39-51.

67. Репина, Л.П. Феномен памяти в современном гуманитарном знании / Л.П. Репина // Учен. зап. Казанского ун-та. Сер. Гуманитарные науки. – 2011. – Т. 153. Кн. 3. – С. 191-201.

68. Романовская, Е.В. Морис Хальбвакс: культурные контексты памяти / Е.В. Романовская // Извест. Саратовского ун-та. – 2010. – Т.10. Серия Философия. Психология. Педагогика. Вып. 3. С. 39-44.

69. Ростовцев, Е.А., Сосницкий, Д.А. Направления исследований исторической памяти в России / Е.А. Ростовцев, Д.А. Сосницкий // Вестн. Санкт-Петербург. ун-та. Сер. 2. – 2014. – Вып. 2. – С. 106-126.

70. Самусенко, Э.Г. Беларусь и Отечественная война 1812 года: Исторические очерки и эссе / Э.Г. Самусенко. – Мн., 2012. – 181 с.

71. Святославский, А.В. Проблемы культурной памяти в зарубежной науке: основные направления исследований / А.В. Святославский // Вопросы культурологии. – 2010. – №12. – С. 22-27.

72. Соколов, С.С. Проблемы исторической памяти и актуальные социокультурные контексты археологического памятника (начало) / С.С.

Соковиков // Вестн. Челябин. гос. акад. культуры и искусств. – 2014. – №1. – С. 32-38.

73. Соколов, О.В. Армия Наполеона / О.В. Соколов. – СПб.: Империя, 1999. – 587 с.

74. Соколов, О.В. Армия Наполеона... сегодня, или Военно-историческая реконструкция в Европе, Америке и России // Соколов О.В. Армия Наполеона. – С. 577-582.

75. Соколов, О.В. Рождение «Империи» / О.В. Соколов // Империя истории. – 2002. – № 3. – С. 4-9.

76. Соколова, Е. Феномен аутентичности в интерпретационном проекте битвы и переправы на реке Березина 1812 г. // Европа-2012: перспективы и вызовы европеизации: сб. науч. тр. / редкол. Г.Я. Миненков (отв. ред.) [и др.]. – Вильнюс: ЕГУ, 2013. – С. 160-165.

77. Тарас, А. 1812 год – трагедия Беларуси / А. Тарас. – Минск: Харвест, 2013. – 248 с.

78. Тюкина, Л.А. Индивидуальные и коллективные воспоминания как основа формирования культуры / Л.А. Тюкина // Верхневолж. филолог. вестн. – 2018. – №4. – С. 179-185.

79. Тяхлова, Е. Кто спас Наполеона при переправе через Березину? / Е. Тяхлова // Адзінства. – 2011. – 12 янв. – С. 16.

80. Уртуль, Ф.-Г. 1812. Березина: победа в разгар катастрофы / Ф.-Г. Уртуль; Пер. с англ. М. Баранова. – Москва: Эксмо, 2015. – 128 с.

81. Устав ВОО «Минский пехотный полк» // Военно-историческое общественное объединение «Минский пехотный полк» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://mincy.by/forum/2-20-1>. - Дата доступа: 10.10.2018.

82. Фелькер, А.В. Исследования наследия и политики памяти – в поисках общих подходов / А.В. Фелькер // Политическая наука. – 2018. – №3. – С. 32-52.

83. Хальбвакс, М. Коллективная и историческая память / М. Хальбвакс // Неприкосновенный запас. – 2005. – №2-3. – С. 8-27.

84. Чепайтене, Р. Культурное наследие в глобальном мире / Р. Чепайтене. – Вильнюс: ЕГУ, 2010. – 298 с.

85. Чернатов, В.М. Сынам Отчизны. Мемориальные сооружения воинской славы на территории Белоруссии / В.М. Чернатов. – Мн.: Вышэйшая школа, 1980. – 136 с.

86. Чумакова, А. Еўрапейская драма на Бярэзіне праз стагоддзі / А. Чумакова // Адзінства. – 2011. – 7 дек. – С. 5.

87. Чумакова, А. Музей открыл новую экспозицию по 1812 году / А. Чумакова // Адзінства. – 2012. – 21 нояб. – С. 9.

88. Чумакова, А. Новые страницы событий 200-летней давности // А. Чумакова // Адзінства. – 2012. – 28 нояб. – С. 4.
89. Шуб, М.Л. Теоретико-методологические основания культурологического подхода к осмыслению прошлого / М.Л. Шуб // Вест. культуры и искусств. – 2017. – №3. – С. 61-67.
90. Шуб, М.Л. Функции культурной памяти / М.Л. Шуб // Вест. культуры и искусств. – 2016. – №4. – С. 71-76.
91. Шульгин, П.М. Историко-культурное наследие как особый ресурс региона и фактор его социально-экономического развития / П.М. Шульгин // Мир России. – 2004. – №2. – С. 115-133.
92. La Fédération // Fédération Européenne des Cités Napoléoniennes [Electronic resource]. – Mode of access: https://www.napoleoncities.eu/index.php?article_id=4&clang=0. – Date of access: 15.04.2018.
93. Napoléon à la Bérézina, 26-27 novembre 1812 / sous la direction de F. E. Beaucour. – Paris: Economica, 2004. – 205 p.

ПРИЛОЖЕНИЯ

ПРИЛОЖЕНИЕ А

Таблица 1 Потери обеих сторон в сражениях в районе Березины 21-28 ноября 1812 г.

Название сражения, дата	Потери ВА	Потери РИА
1. Сражение за Борисов 21 ноября	Около 2 тыс. убитыми и ранеными и 500 пленными.	2 тыс. убитыми и ранеными
2. Сражение при Лошнице и взятие Борисова ВА 23 ноября	Около 500 чел.	Не менее 1 тыс. и 1 тыс. пленными
3. Бой у Брилей и Б. Стахова при создании плацдарма 26 ноября	Предположительно не более 500 чел.	Предположительно не более 500 чел.
4. Сражение при Староборисове 27 ноября	1,5 тыс. и 2,5 тыс. пленными	Около 1 тыс. чел.
5. Сражения 28 ноября А) На правом берегу у Брилей Б) На левом берегу у Студенки	А) Около 5 тыс. Б) Не менее 4 тыс.	А) Примерно 3 тыс. и не менее 1 тыс. пленными Б) Не более 4 тыс.
Итого за 21-28 ноября	Около 12-14 тыс. убитыми и ранеными и примерно 3 тыс. пленными. Всего 15-17 тыс. человек	Примерно 10-12 тыс. убитыми и ранеными и не менее 2 тыс. пленными. Всего 12-14 тыс. человек.

**Таблица 2 «Клубы военно-исторической реконструкции
по эпохе наполеоновских войн в Беларуси на 2018 г.»**

Название клуба (реконструируемое подразделение)	Местонахождение	Год создания	Примечания
<i>Российская императорская армия</i>			
Минский пехотный полк	Минск	1996	Полное название и статус – Военно-историческое общественное объединение «Минский пехотный полк».
Полоцкий пехотный полк	Слоним	1997	Другое название – «Гренада». Участники клуба – учащиеся кадетского класса средней школы №9 г. Слонима.
Белорусский гусарский полк	Борисов, Минск	1997	Полное название и статус – Общественное объединение «Военно-исторический клуб «Березина. 1812 год»».
Брестский пехотный полк	Минск	Нач. 2000-х	Другое название – «Гренадер».
Могилевский пехотный полк	Минск	2002	Другое название – «Бастион». Большинство членов клуба стали участниками международного клуба «8-я линейная полубригада», представляя его соответствующее отделение в Беларуси.
Витебский пехотный полк	Борисов	2002	Полное название и статус – Общественное объединение «Клуб военно-исторической

			реконструкции «Витебский пехотный полк»».
Бугский казачий полк	Борисов	2004	Прекратил существование.
50-я рота легкой артиллерии	Борисов	2005	Особенность социального состава данного клуба – почти все участники являются военнослужащими.
13-й егерский полк	Борисов	2006	
1-я гренадерская рота Витебского пехотного полка	Борисов	2007	Прекратил существование после преобразования в клуб «Азовский пехотный полк».
Азовский пехотный полк	Борисов	2008	Действует при ГУК «Борисовская центральная библиотека им. И.Х. Колодеева».
Днепровский пехотный полк	Борисов	2012	
Лифляндское конное ополчение	Минск	2014	
Черниговское конное ополчение	Минск	2015	
<i>Великая армия</i>			
18-й пехотный полк ВКЛ	Минск	2004	
17-й уланский полк ВКЛ	Минск	2007	Проект конно-спортивного клуба «Золотая Шпора».
8-я линейная полубригада	Минск	2013	Белорусское отделение клуба, представленного в разных странах. Подразделение и униформа воссозданы на 1794-1806 гг.
22-й пехотный полк ВКЛ	Минск	2015	
Эскадрон	Минск	2016	

литовских татар Императорской гвардии			
Полк конной артиллерии Великого герцогства Варшавского	Минск	2016	
Фузилеры- гренадеры Императорской гвардии	Минск	2017	Особенность социального состава клуба – половина участников являются студентами и выпускниками исторических факультетов ВУЗов.
18-й уланский полк ВКЛ	Минск	2018	Другое название – «Конфедерация».
Литовская жандармерия. Гродненский эскадрон	Минск	2018	